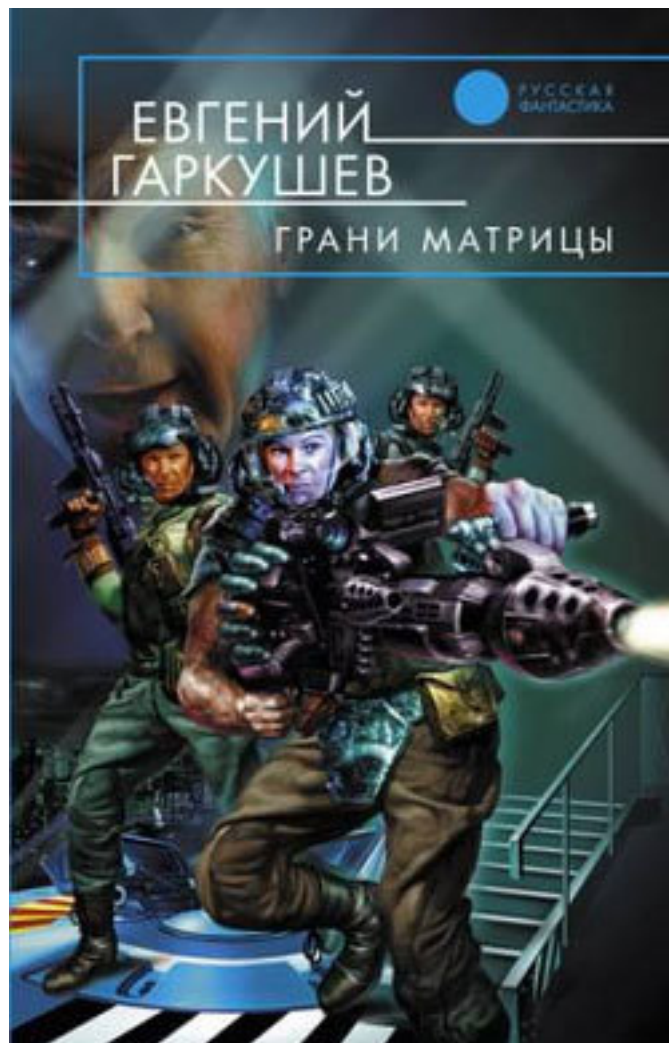

ЕВГЕНИЙ
ГАРКУШЕВ

ГРАНИ МАТРИЦЫ

Евгений Гаркушев

Грани матрицы

«Автор»

2003

Гаркушев Е. Н.

Грани матрицы / Е. Н. Гаркушев — «Автор», 2003

Благодаря передовым технологиям у героя появляется возможность прожить не одну, а целых три жизни. И проявить себя в самых разных ситуациях. Попытаться уничтожить мир и спасти его. Сотрудничать с самыми разными силами, полагающими, что они используют его как инструмент. Но и он использует их, разыгрывая свою партию...

© Гаркушев Е. Н., 2003

© Автор, 2003

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Содержание

Евгений Гаркушев

Грани матрицы

*Я не знаю, как мне быть с теми, кто не спрашивает себя
постоянно: «Как же быть? Как же быть?»*
Конфуций

ПРОЛОГ

Стол, вернее, столы радовали глаз, особенно глаз человека со здоровым желудком, любящего покушать. А поскольку таковых большинство, что бы кто ни говорил о своих гастрономических пристрастиях вслух, настроение у присутствующих было неосознанно приподнятым.

Сказать, что столы ломились от яств, было бы не совсем правильно. Столы были поставлены очень крепкие и ломаться под тяжестью многочисленных блюд не собирались. Да и блюда стояли не впритирку, как это часто бывает в таких случаях. Места хватало. При всем при том заполненных деликатесами тарелок было более чем достаточно, и перепробовать все яства не представлялось возможным.

Неискушенный взгляд сразу останавливался на мисках с красной и черной икрой. Наверное, назывались они не так, а как-нибудь поблагороднее, но кто из простых людей знает, как назвать хрустальную посудину, в которой лежит килограмм икры? Собственно, не так уж и дорого стоит икра, но в таком количестве впечатление производит. Совсем не то что обычные бутерброды.

Шел Великий пост, поэтому рыбным блюдам уделялось первостепенное внимание. Помимо икры на столе присутствовали рыба вяленая, икра той же вяленой рыбы, рыба жареная, рыбное филе, рыба, запеченная целиком, рыбные котлеты (в форме рыбок), сом в кляре, шашлык из осетра и традиционная селедка. Почему бы и нет? Вдруг кому-то из гостей захочется? Но я не видел, чтобы кто-то эту селедку ел.

И овощей хватало. Огурцы и помидоры со слезинками росы на гладкой кожице, разнообразная зелень: кинза, петрушка, укроп, базилик, кресс-салат и масса прочих листиков, названия которых остались тайной для широкой публики. Салаты овощные обычные, с добавлением сыра, с майонезом и со сметаной... Оливки, маслины отдельно и они же, фаршированные всем, чем угодно. Золотистый картофель – фри и дымящаяся картошка в мундире. Молодая, естественно, с едва видимой розовой кожурой. Наверное, она тоже называлась не так – кто же поставит на стол юбиляру картошку в мундире? Уж конечно же это было какое-то сложное и тонко приготовленное блюдо. Но знал об этом только повар. Да несколько распорядителей. Ну, может быть, еще и сам хозяин. Остальные были уверены, что перед ними – обычная картошка в мундире.

Несмотря на пост, мясные закуски не были обойдены стороной. Не все ведь говеют. Зачем лишать их удовольствия попробовать десяток сортов колбас, с мелкими жиринками, крупными и вообще без таковых, твердые и не очень, цветом от бледно-розового до черно-бордового? Мясные блюда были представлены и несколькими видами мясных рулетов, да и самым обычным, ну, не совсем обычным, а приготовленным лучшими специалистами по классическим рецептам – шашлыком, богато украшенным зеленью и овощами. Мясной шашлык был только одного вида. Наверное, так полагается в высоком свете.

И сыры присутствовали в достаточном ассортименте. Того, что с плесенью, брезгливый хозяин, зная, что среди гостей не все гурманы, на стол не выставил. Зато были и соленые

осетинские сыры, и желтые голландские, и ароматные французские, с огромными дырками и почти без оных.

Сладкий – а вернее фруктовый – стол располагался поодаль. Виноград, клубника, свежие абрикосы, сливы и яблоки – все плоды, что дает русская земля, были на нем в изобилии. Подумаешь, март месяц! И с юга привозят, и в теплицах выращивают достаточно всяких диковин. Тропических изысков также было в избытке. Сложно порезанные, уже очищенные киви, манго и папайя, другие заморские фрукты разных форм и расцветок.

Апельсины лежали аккуратными горками рядом с машинками для отжимания сока. Говорят, свежим, только что отжатым апельсиновым соком неплохо запивать водку. И использовать сок для приготовления коктейлей.

О напитках рассказывать вряд ли имеет смысл. Половина названий была мне незнакома. Но даже внешний вид сосудов говорил о том, что многие бутылки мутного зеленого стекла стоили гораздо дороже, чем миски с икрой. И были призваны усладить вкус любителей.

Опытные люди пили то, что им нравилось, будь то сухое вино или светлое пиво. Неразумные граждане торопились попробовать все, что вряд ли было полезно для здоровья. Прагматики вроде меня отдавали предпочтение интересным напиткам, купить которые в другое время не позволяло состояние кошелька, но не стремились отведать содержимое каждой бутылки.

Первый голод был утолен, и распорядитель праздника в золотой ливрее подал знак к развлечениям. Сигнал не означал, что обязательно нужно выходить из-за стола. Но большинство гостей вышло, а те, что остались, выглядели либо слишком ленивыми, либо чересчур оголодавшими.

В рыцарском зале, куда устремился основной поток гостей, как-то сама собой началась потеха. Двое крепких мужчин рубились на мечах. Британский консул сэр Джон Флэтсон и полковник федеральной пограничной службы Петр Иванович Бочкарев. Уважаемые гости уважаемого хозяина.

Понятное дело – англичанина повело после легких для русского человека, но обильных для иностранца возлияний. Петр же Иванович, похоже, пока что ни в одном глазу. Что настоящему полковнику четыреста граммов водки? Или коньяка, кто его знает, что он пил. А больше он выпить не успел бы – всего-то четыре тоста подняли... Но мечом он махал с не меньшим азартом, чем сэр Джон.

В зале мне показалось душновато. Выйдя на парадную, в девять ступеней, лестницу, я прислонился лбом к гладкой мраморной колонне. Камень приятно охлаждал. Со стороны соснового бора дул легкий влажный ветер, принося с собой заманчивые и загадочные запахи весеннего леса.

Вообще говоря, обстановка располагала к безумствам. Мне вдруг тоже захотелось прыгнуть прямо в костюме в хорошо подогретый бассейн или взять в руки меч и показать англичанам, кто все-таки хозяин на нашей земле. Если Бочкарев, что маловероятно, оплошает... Или подраться с самим полковником, похожим на медведя. Но тупые хозяйские мечи, впопыхах сорванные со стен, мне не нравились, а своего я не захватил. Если на то пошло, у меня его вообще не было.

Можно было и просто отведать всех предложенных деликатесов, погулять по зимнему саду и все-таки прыгнуть в бассейн. Раздевшись. Или выйти в настоящий сосновый бор... Хотя дача под охраной, конца-краю сосновому лесу не видно. Наверное, можно найти в нем такое, чего и сам хозяин не видал. Когда он здесь появляется? На Новый год да на свой день рождения. Ну, летом, наверное, выезжает на пару недель. А в остальное время – работа... За все надо платить!

Приятно, однако же, гостить у друга-олигарха. Ну, положим, не совсем олигарха, но крупного банкира, предпринимателя, политика... Кем там еще был Леонид Захаров в свои тридцать лет? Именно этот юбилей сейчас так пышно отмечался на загородной даче.

Общество подобралось разношерстное. Несколько дипломатов – в основном главы консульств европейских стран. Порядочно силовиков. Высокие чины налоговой инспекции, прокуратуры, милиции, еще каких-то структур, о которых я имел весьма слабое представление... Отцы города, главы районов. Свой брат – предприниматель. И собственно соратники по бизнесу – руководители принадлежавших холдингу фирм, компаний, обществ...

Я, конечно, не слишком хорошо в эту компанию вписывался. Большинство людей меня не знали. Некоторые из тех, кто знал, смотрели настороженно. Как же – журналист, писатель... Лишнего слова при нем не скажи... Но враждебного отношения тоже не чувствовалось. Кое с кем из присутствующих все-таки был знаком и помимо общения у Леонида. Одним словом, отдыхать можно было. Жаль только, молодежи на празднике оказалось не очень много.

Несколько молодок в роскошных вечерних нарядах пришли сюда в сопровождении суровых мужей. Одна, темноволосая куколка с яркими губками и немного раскосым разрезом глаз, сидела прямо напротив меня. И даже с интересом поглядывала по сторонам. Но ее кавалер с бритым затылком явно принадлежал к темной стороне жизни гостеприимного хозяина, собравшего всех нас здесь. Он глотал одну рюмку за другой, но не пьянел, а лишь становился мрачнее. Не та ситуация, когда можно усладить взор созерцанием чужой хорошенькой жены. Не говоря уже о других, более решительных действиях.

Звон мечей утих, карету «скорой помощи» не вызвали. Стало быть, молодецкая забава закончилась благополучно. Гости потянулись обратно за стол. Кто к рыбе, кто к клубнике.

Я решил, что поест еще успею, а выпивать пока хватит. И вышел побродить по сосновому бору. До того, как начнется фейерверк. Когда еще придется? На улице было достаточно тепло – градусов десять. В костюме не замерзнешь.

Около дома были проложены тропинки, устланные мелким, каким-то особенным, отборным гравием. Но я очень быстро сошел с них и оказался на настоящей, усыпанной опавшими иглами лесной дорожке. Прямо за первым рядом сосен обнаружилась полянка, где несколько пиротехников устанавливали оборудование для фейерверка. Я с негодованием поспешил уйти еще дальше – мне хотелось остаться с лесом наедине.

Но и когда трехэтажный дом красного кирпича полностью скрылся за деревьями, ощущение полного покоя и гармонии с природой не было достигнуто. Хозяин дал команду умолкнувшим на время первых тостов музыкантам, и звуки их скрипок, а также удалые пьяные выкрики некоторых гостей настигали меня и среди деревьев.

Карманный лес не таил загадок. Тропинка повернула раз, другой, третий... Покосившаяся скамейка, заброшенная беседка, валяющаяся возле тропинки банка из-под пива – все это напоминало о близости людей. И вдруг впереди что-то блеснуло.

Не веря своим глазам, я ускорил шаг. Впереди лежало круглое, почти идеальной формы серо-синее озеро. Это вам не хлорированная подогретая вода в бассейне! Ну и хват наш банкир – выбрать участок леса с таким чудесным озерцом! А ведь не говорил о том, что у него на участке есть озеро. Впрочем, у него много чего есть – обо всем не расскажешь.

На пару метров из воды выступали почерневшие от времени мостки. Тропинка вела прямо к ним. Теперь было ясно, кто протоптал тропинку, для чего и куда. Наверняка дети из поселка бегали купаться на это озеро, ловили здесь рыбу. Потом, когда поставили забор, перестали. Но тропинка еще не заросла окончательно.

Я вышел на мостки, придерживаясь за тонкий поручень. Искупаться в костюме здесь было бы не слишком приятно. Ключевую воду не сравнить с хлорированной, но по такой погоде плавать все-таки лучше в бассейне. Хотя, случись со мной такое приключение, как неожиданное купание в озерце, гостям Леонида я бы доставил массу радости. Представьте – выходит из леса и направляется в дом мокрый восторженный человек в костюме. Точнее, гость. С которого на прекрасный дубовый паркет стекает холодная грязная вода. Обхохочешься! Особенно после нескольких рюмок.

Вода в озере была исключительно спокойной. Словно бы даже слегка вогнутой к середине наподобие линзы. И в ней ярко горели первые вечерние звезды.

Минуты две я стоял неподвижно. Вода словно бы затягивала в себя. Потом сзади грохнуло, в небо взвилась первая, пробная ракета фейерверка. Я обернулся, и у меня потемнело в глазах.

Часть 1

БЕГЛЕЦ

В себя я пришел в чужой постели. Белый потолок, салатные стены... Наверное, праздник прошел удачно. Хотя вряд ли... Кровать односпальная, а маленькая комната как-то уж слишком напоминает больничную палату. Палату повышенной комфортности – куда же еще могут поместить гостя местного олигарха?

Мебель говорила в пользу последней версии. На стене большая панель телевизора с жидкокристаллическим экраном. Очень дорогая штука! Рядом с кроватью – небольшой стол полированного коричневого дерева, около него два мягких стула. На окне – тяжелые зеленые шторы. Что за окном – не видно.

Не сказать чтобы я себя очень плохо чувствовал. Болела голова, ощущалась сухость во рту. Драло горло. В общем, состояние соответствовало похмелью средней степени тяжести. Но ведь я почти ничего не пил... Или все-таки пил?

Я пошевелил руками и ногами. Дрожи не было. Приподнявшись, я обнаружил, что на мне симпатичная хлопчатобумажная пижама кремового цвета. Куда делась моя одежда, я, естественно, понятия не имел. Так же как и о том, кто меня одевал.

До сих пор я ни разу не напивайся до потери сознания. Организм устроен не так. Бывает, что от передозировки алкоголя я не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой, но еще соображаю. Поэтому алкогольной амнезии со мной прежде не случалось. Началось? Или причина в чем-то другом?

Дверь теплого светло-коричневого цвета отворилась, и на пороге появилась девушка в светло-зеленом халате. Под цвет стен. Хотя нет – халат скорее подобран под ее зеленые глаза.

Девушка казалась полноватой. Но только казалась. Просто фигура у нее была, так сказать, ярко выражена. Массивной я бы ее не назвал, но явно выделялась грудь, ноги ниже колен были приятных округлых форм, широкое лицо создавало впечатление некой дородности.

Светлые, умеренно короткие, аккуратно уложенные блестящие волосы не доставали до плеч. От волос шел едва уловимый цветочно-медовый аромат. Мой нюх как-то особенно сильно обострился, и я хорошо ощущал все запахи.

– Здравствуйте, – прошептала девушка подозрительно ласково. Глаза ее при этом слегка косили в сторону. Будто бы она чего-то боялась.

– Привет и тебе, прекрасная незнакомка, – с некоторой натугой улыбнулся я.

Если быть полностью откровенным, прекрасной я бы девушку не назвал. Но она казалась милой. Свеженькое личико, умело наложенная косметика, вздернутый носик, чистая, гладкая шейка... Мне же было бы глупо проявлять полную откровенность в незнакомом месте с незнакомыми людьми. С девушками, если речь идет об их внешности, – тем более. Да и насчет «незнакомки» я немного преувеличил. Для себя я определил вошедшую как медсестру. Имя в ближайшее время тоже станет известно.

От моего слишком явного и откровенного комплимента девушка неожиданно зарделась. Странно. Вроде бы на монашку не похожа...

– Будете кушать? – спросила медсестра, улыбнувшись еще раз.

– Пожалуй. И пить, если можно, – попросил я.

Девушка отступила за дверь и появилась меньше чем через минуту. Перед собой она катила блестящий сервировочный столик. На нем покоилась глубокая чашка с дымящимся супом и большая плоская тарелка с каким-то комплексным вторым блюдом: здесь были и картофель-фри, и зеленый горошек, и кусок мяса, и несколько листочков зелени. Но больше всего меня поразили не блюда. Рядом с тарелками лежали блестящие нож, вилка и ложка – приборы,

крайне редко встречающиеся в больницах. А еще на столике возвышались высокий хрустальный бокал и хрустальный же кувшинчик с оранжевым напитком – хотелось верить, что с соком.

– Приятного аппетита, – пожелала девушка.

– Как вас звать? – поинтересовался я, не решаясь сразу спросить, что это за элитный санаторий и за какие заслуги меня в него поместили.

– Инна, – ответила девушка.

– Очень приятно. Евгений, – представился я и тут же сообразил, что мое имя ей, скорее всего, известно – оно есть в карточке больного. Вряд ли я попал бы в такое приличное место, будучи неопознанной личностью.

– Я знаю, – подтвердила мою догадку девушка, но покраснела еще больше.

Да что это такое с ней? Или она первый раз на работе? Или считает, что обслуживает невесть какого важного клиента? Полноте, я на свой счет не обольщаюсь. Хотя я и знаком кое с кем из сильных мира сего, сам к их весовой категории даже и близко не подхожу, и терять дар речи, заговорив со мной, не стоит.

– Вы кушайте. Надеюсь, вам понравится...

Сказала и приятно засмушалась. Будто сама готовила.

– Не хотите сока? – спросил я, сам не зная зачем.

– Вы думаете, я хочу вас отравить? – испуганно взглянув на меня, спросила Инна.

Шутит? Непохоже... Может, она сама не вполне здорова? Да где же это я очутился?

– Нет, не думаю, – ответил я. – Зачем вам меня травить? Вы могли бы меня задушить подушкой, пока я валялся в беспамятстве. Или сделать укол надежным ядом. Да просто сильнодействующим лекарством – тем же нитроглицерином. И никто никогда ничего не узнал бы. Зачем же вам меня травить?

Круглый ротик девушки полуоткрылся. Она смотрела на меня с ужасом.

– Задушить подушкой? – переспросила она так медленно и недоверчиво, даже как будто заинтересованно, что мне невольно подумалось: не зря ли подал ей идею?

– Присаживайтесь, – предложил я. – И расскажите, где я нахожусь. Совсем не помню, как здесь очутился. Что произошло?

Толку-то строить из себя всезнайку... Рано или поздно они раскусят, что у меня амнезия. А может быть, вовсе и не амнезия? Упал в озеро, стукнулся головой. Пока приводили в себя, Леонид вызвал вертолет и отправил меня в Москву. Не хватало еще, чтобы на его дне рождения загнулся какой-то гость. То-то пожива для журналистов!

В любом случае, на палату для буйнопомешанных моя комната не похожа. И медсестричка в нее входит безбоязненно, без сопровождения санитара с дубинкой.

Девушка послушно села на мягкий стул, но рассказ начинать не спешила. Я налил себе сока – действительно, апельсиновый – выпил бокал, налил еще.

Вкусно, надо заметить. Не исключено, что из настоящих апельсинов.

Попробовал суп. Странный, будто бы разведенное бульоном картофельное пюре. Наверное, последнее слово диетического питания. Суп, в отличие от сока, был так себе. Недосоленный, не очень наваристый.

Отодвинув глубокую тарелку, я перешел ко второму блюду. Мясо оказалось не слишком мясным – с соевым привкусом. Овощи тоже немного вяловаты.

– Вам не нравится? – тревожно спросила девушка.

– Что вы, что вы, – воспитанно возразил я. Не скажешь же вслух, что у них кормят бурдой? – Соли хорошо бы добавить...

– Я сейчас сбегать! – выпалила Инна, вскакивая со стула.

– Не утруждайте себя. В следующий раз. Лучше ответьте на мой вопрос. Где мы? В Москве?

– В Москве, – подозрительно быстро ответила девушка.

– И как я сюда попал? Что случилось?

– На эти вопросы ответит профессор. – Медсестра скромно потупила глаза.

– Вы хоть можете сказать мне, в каком заведении мы находимся?

– Не могу, – твердо ответила Инна. – Я обязана следить только за вашим комфортом.

– Что ж, вам это удастся, – улыбнулся я. – Когда я увижу профессора? И как его зовут?

И каких наук он доктор?

– Профессор Варшавский – нейрофизиолог, – прошептала девушка. – Видеть его вы можете в любой момент.

Про себя я подумал, что попал не в те руки. Уж если за меня взялись нейрофизиологи, можно складывать лапки домиком. С другой стороны, нервы – не психиатрия. И отношение лучше, и надежда на выздоровление есть... Или все же нет? Я слабо разбирался в медицине. Наверное, профессор мне все расскажет...

– Так зовите, – предложил я. – Ваше общество мне приятно, но я хотел бы получить ответы на некоторые вопросы.

Профессор Варшавский оказался моложавым кучерявым субъектом. Большие и умные карие глаза, высокий лоб, широкая улыбка. Ходил он, конечно же, в белом халате, с молоточком в руке и стетоскопом на шее. На меня, когда полагал, что я его не вижу, поглядывал настойчиво, с некоторой долей опаски. Что я, покусал кого-то в беспамятстве?

– Рад видеть вас в добром здравии, – жизнерадостно проговорил профессор.

Голос у него был высокий, резковатый. Под халатом я разглядел солидный черный костюм с каким-то неярким галстуком. Ботинки – старомодные, тяжелые.

– И я рад, – сказал я, улыбаясь. – Только если я в добром здравии, зачем же меня здесь держат?

– Держат? – переспросил профессор. – Никто вас не держит, господин Воронов. Вы всего лишь проходили курс восстановления после травмы.

– Это уже интереснее, – вслух заметил я. – Как вас звать, профессор?

– Александр Львович, – ответил доктор, поспешно вынимая из бокового кармана халата бейдж и прикрепляя его к нагрудному карману. На желтоватой карточке шрифтом, отчего-то стилизованным под старославянский, было отпечатано:

«Профессор Варшавский Александръ. Московский университетъ»

– Рад познакомиться, – сказал я. – Так какой, говорите, у меня диагноз?

– Амнезия. Вы пребывали в коме в течение нескольких лет, – обыденным тоном проговорил профессор.

– Несколько лет? – тупо переспросил я.

Не уверен, что на моем лице ничего не отразилось. Может быть, я даже побледнел. И Варшавский принялся меня утешать:

– Не беспокойтесь. Все в порядке. Вашему здоровью больше ничто не угрожает. Вы молоды и полны сил...

Говорил он скороговоркой, отводя глаза.

– Сколько лет я не приходил в себя? Это все шутки? – упорствовал я. – Кто меня сюда привез? Откуда? Я помню только день рождения – сами знаете чей... И все. Что было дальше? Расскажите!

– Машина перевернулась. У вас случилась травма головы. Вы долго не приходили в сознание, – продолжал твердить профессор.

– Сколько?

– Скажем, десять лет, – брякнул Варшавский.

– Скажем? – возмутился я. – Вы даже не знаете? Да и вообще – десять лет... Вы что? Такого ведь не бывает!

– Теперь – бывает, – мрачновато ответил профессор. – Медицина не стояла на месте. Вас спасли, а вы с какими-то претензиями...

– Без претензий. Мне интересно, что произошло. А вы мне ничего не рассказываете.

– Я вам все рассказал, – отрезал Варшавский. – Будете хорошо питаться, лечиться, общаться с людьми. Поживете немного у нас. Потом – пожалуйста, куда вам будет угодно. Сейчас вы – в лучшем лечебном учреждении страны. Закрытом, между прочим. Не торопитесь отсюда выходить.

– Приму к сведению, – тихо сказал я. – Телевизор мне смотреть можно? И газеты читать? Варшавский над чем-то крепко задумался. Элементарный вопрос поверг его в смущение.

– Газеты – нельзя, – ответил он после паузы. – Они ведь на бумаге печатаются... Текст очень мелкий. Вам нельзя напрягать зрение. А телевизор – посмотрите. Не новости, а фильмы о природе, классику. Несколько дней. Потом режим будет смягчен. Я скажу Инке, она научит вас пользоваться телевизором.

– Спасибо, – сказал я.

Неужели включать телевизор так сложно, что меня нужно этому учить? Или медики настолько плохого мнения о моем состоянии?

Профессор Варшавский не очень-то прояснил положение, в котором я оказался.

* * *

Может ли быть, что я действительно пролежал без сознания десять лет? Разум отказывался в это верить. Почему? Да хотя бы потому, что я прекрасно себя чувствовал. Похмельный синдром не в счет. Мускулы мои не ослабли, двигался я легко.

Когда-то мне доводилось ломать ногу. Я не наступал на нее каких-то полтора месяца, но мышцы частично атрофировались, и каждое движение после отдавалось болью. Сейчас же ничего похожего не происходило. Я мог свободно отжаться от пола двадцать раз, несколько раз присесть на одной ноге, встать на голову...

Зеркала в комнате не нашлось, и я осмотрел свои руки. Не сказать чтобы они сильно изменились. Морщин не прибавилось, кожа все та же. Провел языком по зубам. И вздрогнул. Ни одной пломбы! Прежде один верхний зуб с левой стороны был сколот почти полностью. Стоматологи надстроили пломбу. Все уговаривали поставить коронку, но я не хотел. И шершавая пломба всегда хорошо ощущалась. Теперь ее не было! Обычный здоровый зуб...

Я пригляделся внимательнее к рукам. И не обнаружил маленьких шрамов. На левом указательном пальце, который я сделал ножом, неосторожно отковыривая от тарелки примерзшие пельмени, еще в детстве. На правой руке у меня был кривой шрам – след от гвоздя. Зацепился за него в студенческом общежитии. Теперь шрам отсутствовал.

Я оторопело разглядывал свои руки, когда в палату вошла Инна.

– Что-то не так? – участливо спросила она.

– Нет, милая, – усмехнулся я. – Все в лучшем виде! Мне обещали, что ты включишь телевизор.

– Да, Александр Львович оставил указания, – кивнула медсестра. – Сейчас я схожу за пультом.

Когда девушка вышла, я вернулся к размышлениям. Сначала я был уверен, что попал в лапы темных личностей, которые по неизвестной причине содержат меня не в сыром подвале, а в комфортабельной комнате. В том, что я – не в больнице, я уже не сомневался. Но вот пломбы и шрамы сильно меня смутили.

Впрочем, разумное объяснение можно найти всему. Допустим, я лишился всех зубов, и мне вставили искусственные челюсти. Или есть какая-то технология по выращиванию новых зубов. Что-то там куда-то вживляют... Но нет – зубы были несомненно моими! Я их помнил!

А шрамы... Кожа на руках обгорела, мне имплантировали новую? Возможно ли такое? Почему бы и нет? Но должны же были остаться какие-то другие шрамы! Пострашнее тех, что были прежде!

Приглядевшись к висевшему на стене телевизору с суперплоским жидкокристаллическим экраном, я внезапно понял, что отлично вижу написанное мелкими буквами название фирмы-производителя. Куда делась наработанная долгими часами чтения и сидения за компьютером близорукость? Впрочем, объяснить можно было и это. Если я действительно лежал в коме несколько лет, глазные нервы могли так расслабиться, что зрение пришло в норму. Окулист когда-то говорил мне, что я страдаю не обычной близорукостью, а зрительным спазмом. То есть, если я перестану напрягать зрение, оно вернется в норму.

Пришла Инна, неся очень странный на вид пульт. Этакий сиреневый бублик с четырьмя кнопками. Девушка нажала на одну из кнопок, и на экране появился бредущий по лесу олень. Нажала другую – и на экране началась перестрелка. Американские гангстеры стреляли друг в друга. То, что они американские, было ясно по шляпам, плащам и автомобилям марки «Кадиллак», за которыми бандиты прятались друг от друга. Гангстеры молчали, яростно поливая друг друга огнем.

– Чуть позже я настрою телевизор, чтобы вы могли смотреть прошлые и будущие передачи, – пообещала девушка.

– Что? – не понял я.

– Профессор считает, что вы сами не справитесь с настройкой, – отчаянно покраснев, сказала Инна. Сразу было видно – врала. – Я настрою Ти Ви так, что вы будете смотреть программы по полному трафику. У нас все-таки самая льготная система подключения!

Я не понял буквально ничего. То есть слова все были понятны, но как можно настроить телевизор, чтобы смотреть вчерашние программы или, того хуже, завтрашние? Первое возможно с помощью видеомэгнитофона, а вот второе...

– У вас трансляция идет по Интернету? – уточнил я.

Инна вздрогнула и потупилась.

– Да. Как вы догадались?

– Не придумал ничего лучшего. Да и раньше такое было возможно. А как еще можно смотреть фильмы, которые в программе стоят на завтра, если они не загружены заранее в память компьютера? По-моему, ничего сложного.

– Не скажите. Я бы никогда не догадалась, – вздохнула Инна. – Вы очень умный!

Лесть была грубой, но, как ни странно, приятной. Может быть потому, что девчонка говорила искренне.

– Кое-где программы можно смотреть только в реальном времени, – объяснила Инна, вертя в руках бублик управления телевизором. – И те фильмы, что уже прошли, – только с рекламными вставками. Но мы платим хорошие деньги, и рекламы у нас вообще нет.

– Это неплохо, – кивнул я, пожалев, однако, что не узнаю из рекламы о том, что творится в мире сейчас. Как бы ни глупа была реклама, по ней можно отлично судить об обществе.

– Да, – мило улыбнулась Инна. Видно, телевизор смотреть любила.

– А гулять мне можно? – спросил я.

– По этажу – сколько угодно. Здесь – карантинная зона. За пределы этажа выходить не рекомендуется. Да у вас и не получится – карточки доступа к лифту нет.

– Да, конечно, – кивнул я.

Мы еще посмотрим, что у меня получится.

Как только обаятельная и восторженная медсестра ушла, измерив мне давление и температуру, я хорошенько осмотрел спальню и отправился исследовать территорию этажа. В окна ничего увидеть не удалось. Волнистое стекло пропускало свет, но через него нельзя было различить даже силуэты. И такие стекла были здесь повсюду.

«Этажом» мое узилище назвать было трудно. Из комнаты можно было попасть в длинный коридорчик. В нем было еще несколько дверей. Сначала я полагал, что это тоже палаты. Но, заглянув за первую дверь, обнаружил тренажерный зал. Другая скрывала небольшой санузел. Третья – просторную ванную комнату с ванной и душевой кабинкой. Четвертая комната была полностью пуста. Ни мебели, ни приборов. Упирался коридор в лифт. Рядом с ним не оказалось даже привычной кнопки. Только прорезь для карточки.

Впрочем, проявлять излишнее любопытство к лифту пока не стоило. Может быть, все прояснится без моего деятельного участия? Хотя, очень непохоже...

Я принял ванну. Когда тело погружалось в воду, почувствовался резкий запах дезинфицирующих веществ. Вряд ли так пахла вода. Запах, скорее всего, исходил от меня.

На полке рядом с раковиной я обнаружил электрическую бритву на батарейках и побрился. На ощупь моя щетина соответствовала трехдневной. Бриться без зеркала было трудно. Каково же было мое удивление, когда, дернув за шнурок, я вдруг раздвинул шторы и увидел зеркало, неизвестно зачем упрятанное за пластиком!

Из зеркала на меня смотрел свежий, симпатичный мужчина. Ни лишнего жира, ни худобы. Никакой измотанности – будто бы только с курорта. Я, несомненно. Только выглядевший куда лучше, чем в последние несколько лет. Неужели лежание в коме пошло на пользу? Ох, странно все это!

Когда я дернул другой шнурок, открылся еще один встроенный в стену шкафчик. В нем было и несколько пузырьков одеколона, и крем после бритья, и шампунь, и обычное мыло! А я – то тер щеки руками, предварительно зачерпнув жидкого мыла, стоящего на раковине. Это было не слишком удобно... Помимо моющих и косметических средств в шкафчике лежали расческа и зубная щетка, маленькие ножницы и пилка для ногтей.

Осмотрев одеколоны, я выбрал «Кензо» – не самый дорогой, но для меня наиболее приятный. Красиво жить не запретишь, что и говорить! Может быть, это все-таки личный медицинский блок какого-нибудь олигарха, знакомого Леонида? Да и ладно – на одеколоне не обеднеет!

Свежий и довольный, я надел прежнюю пижаму и вернулся в спальню. Там повернулся к закрепленной в углу микрокамере, которую приметил, когда осматривал комнату. Вполне понятно, что пациент должен быть все время под наблюдением. И зачем держать около каждого сиделку? Достаточно оборудовать пост слежения с несколькими экранами.

Подняв голову, я помахал рукой и сказал в камеру:

– Хочу видеть профессора Варшавского!

Через десять минут запыхавшийся Варшавский стоял в дверях моей комнаты.

* * *

– Вы что-то хотели, гражданин Воронов? – как-то судорожно улыбнувшись, спросил профессор.

– Да, – ответил я, отметив про себя странное обращение «гражданин». Прежде он называл меня «господином», что более приемлемо в цивилизованном обществе. Уж не в колонии ли с вежливыми надзирателями я очутился?

– Что же?

– Одежду, – улыбнулся я. – Свою одежду. Как-то неприлично в пижаме разгуливать. Здесь девушки появляются, да и вообще, в пижаме я чувствую себя не вполне удобно.

– Девушки сюда зайти не могут. Так же, как и юноши, – утешил меня Варшавский. – Не пойму только, почему вы обращаетесь с просьбой об одежде ко мне?

– Насколько я понимаю, вы здесь главный.

– Да, почти так, – согласился профессор. – Правда, я главный по лечению... Хорошо, я распоряжусь насчет одежды. Какую вы предпочитаете?

– У вас разная есть? На выбор? – спросил я.

– В общем-то да, – не поняв легкого сарказма, ответил Варшавский.

– Я бы предпочел свою. Ту, которая была на мне.

Проверка была простой и ничего в общем-то не доказывала. Может быть, одежда и сохранилась. А может, ее порезали на лоскуты, снимая с бесчувственного тела. Я не знал, зачем прошу именно свою одежду. Наверное, мне действительно было жаль хорошего костюма.

– Ваша одежда утрачена, – скорбно объявил Варшавский. – Мы пошлем по вашему заказу любую. Или предоставим то, что есть в ассортименте в магазинах. Что бы вы хотели?

– Черные туфли. Джинсы. Клетчатую рубашку – хорошо бы парочку. Свитер. Носки. Ну и белье, конечно.

– Какого цвета джинсы? – уточнил профессор.

– Синие, пожалуй, – вздохнул я. – Можно цвета хаки. Какие будут.

– Свитер?

– Да любой. Что-нибудь модное, раз вы исполняете все желания...

– Модное? – недоверчиво переспросил профессор.

– Ладно, классическое, – смягчился я. Мало ли какая нынче мода? Может быть, с дыркой на пупке ходят?

– Вам все принесут в ближайшее время, – пообещал Варшавский. – Тем более, ничего особенного вы не просите.

– А размеры? – спросил я.

– Размеры ваши нам отлично известны, – объявил профессор. – И впредь, если будут какие-то бытовые проблемы, приглашайте, пожалуйста, коменданта. Меня вызывайте в случае ухудшения здоровья и навязчивых идей...

Профессор тонко дал понять, что всякой ерундой он заниматься не склонен. Обиделся, наверное. Ну и ладно. Нужно было представить мне сразу весь персонал. А Инна, понятное дело, вопрос с одеждой решить не могла.

* * *

Не прошло и получаса, как в коридоре послышались шаркающие шаги. Я сел на кровать и с интересом посмотрел на вошедшую.

– Одежу вам принесла, – объявила женщина лет семидесяти в синем халате. – Вот оно как, значит. Меряйте, если что не по нраву – обратно пришлете. Позовете Нину, я и приду.

– Спасибо, Нина. Вы комендантом здесь будете?

– Уборщица я, – ответила женщина. – Комендант в отъезде на два дня, мне ключи оставил. Что убрать надо будет – тоже меня зовите. Из деревни я, с севера. Приятно на такого человека, как вы, посмотреть. Да...

– И мне на вас посмотреть приятно, – улыбнулся я. – Только чем же я вам понравился? Мы ведь незнакомы еще.

– Обращением, – довольно улыбнулась женщина. Старого обращения теперь и не встретишь, разве что в деревнях. Да и ели вон – костей и корок на пол не бросали, жир изо рта на скатерть не тек. Редкость по нынешним временам...

Я слегка удивился, что хороший тон заключается уже в том, что не бросают корок на пол, но решил, что пожилая женщина слегка преувеличивает.

– Еще раз спасибо, – поблагодарил я ее.

Пакет с одеждой я унес в пустую комнату. Переодеваться на виду у дежурного, следящего за пациентами во все глаза, не хотелось.

Варшавский не поскупился. Он прислал мне синие и темно-зеленые джинсы очень приличного качества. Три рубашки – в синюю, зеленую и бежевую клетку, два свитера – один тонкий, золотистый, другой потеплее, синий. И вполне приличные черные туфли. В отдельном мешочке лежали носки и трусы.

Этикетки на одежде ни о чем мне не говорили. Таких фирм я не знал. Но странного в этом ничего не было. Мало ли какая одежда есть в мире!

Я оделся, отдав предпочтение зелено-золотым тонам. Расчесался. И остался собой доволен. Внутренний голос, однако, тут же оборвал самодовольные нотки моего бодрствующего сознания:

– Попал неизвестно куда, а радуешься приличным тряпкам! Думаешь, что с тобой происходит!

Но думалось не очень хорошо. Я включил телевизор.

По программе «Природа» показывали крокодила, подстерегающего жертву в мутной воде. Крокодил лежал, подобно заиленному бревну. Камера ездил вокруг, рептилия лениво косила глазом в объектив. Жертва долго не появлялась, и крокодил, наверное, размышлял – не схватить ли ему оператора.

На канале с художественными фильмами шел ковбойский фильм. Пышногрудые девушки, танцующие в салуне, были весьма привлекательны. Я посмотрел на них и загрустил. Вспомнил об Инне – надо же, каких симпатичных медсестер держат в этом странном санатории! И Инна появилась, катя перед собой столик с обедом.

Увидев меня, девушка сделала шаг назад и широко открыла глаза.

– Что случилось? – спросил я.

– Ничего... – Она потупилась. – Я принесла обед.

И все-таки что-то было не так. Иначе почему она от меня шарахнулась?

Обед был еще лучше завтрака. Бутылка красного вина, селедочница с разделанной селедкой, картофельное пюре с отбивной, овощной салат, несколько кусков сыра, поджаренный хлеб.

– Не составишь мне компанию? – спросил я.

– Что вы, что вы! – Девушка густо покраснела. – Кушайте!

– Покушать-то я покушаю, а вот пить одному – это алкоголизм. Только не нужно говорить, что на работе нельзя!

– Нельзя. – Инна снова уставилась в пол.

– А мне нельзя одному.

– Желание гостя – высший приоритет, – выдала вдруг девушка. – Но здесь только один бокал!

– Не беда. В ванной я видел стакан, – заметил я.

Девушка сорвалась было за ним, но я усадил ее на стул и принес посуду сам. Налил вина, быстро отложил на тарелку с сыром несколько кусочков селедки, кусочек мяса, немного зелени и пододвинул Инне.

– За твое здоровье, – предложил я. – Потому что мне, как я понял, уже ничего не грозит.

Я поднялся, собираясь выпить, и тут девушка попыталась тоже вскочить на ноги.

– За женщин пьют стоя, – объяснил я. – Они при этом сидят.

Инна приосанилась и посмотрела мне в глаза, подняв бокал. Я улыбнулся и выпил свой бокал до дна. Девушка с аппетитом пригубила вино, попробовала сыра, закусил селедкой. Скорее всего, она еще не обедала.

– Как все вкусно! – воскликнула она. – А вина такого я вообще ни разу в жизни не пробовала.

– По-моему, обычное красное вино, – удивился я. – Впрочем, я не знаток. Может, и правда какой-то элитный сбор?

Глаза девушки задорно заблестели.

– Хорошо вам говорить... Обычное красное вино... А я вообще красного никогда не пила. Только один раз – белое.

– Кто же тебе мешает? Девушка вздохнула.

– Возраст, наверное.

– Ты настолько молода? Инна промолчала.

– А что ты обычно пьешь? Воду?

– Всякие газированные коктейли с ароматизаторами. Вы, наверное, таких и не пробовали никогда. Гадость в основном.

– Почему же я коктейли не пробовал? – удивился я. – «Отвертку» пил.

– О! – рассмеялась девушка. – У вас хороший вкус!

– Не надо издеваться. И вообще, можешь говорить мне «ты», – предложил я. – Мы уже давно знакомы. И я не так стар, как может показаться.

– Тридцать лет, – отрапортовала девушка.

– Ну, тридцать мне было до всех этих событий, – повернул я разговор в интересующее меня русло. – Я ведь еще в коме лежал...

– А, в коме... Это не важно, – протянула девушка, но вдруг спохватилась и закрыла себе рот ладошкой. – Давайте не будем об этом, ладно? И вообще, я такая пьяная... Меня теперь с работы уволят. Скажут, объедаешь нашего гостя.

– Я им не позволю. Только говори мне «ты».

– Хорошо, Евгений, – торжественно заявила Инна, поднявшись. – Ты не представляешь, какая это честь для меня!

– Да какая тут честь? – рассмеялся я.

– Еще бы – известнейший писатель, – начала она и задумалась, не зная, как сформулировать мысль дальше. – Можно сказать – легенда...

Я рассмеялся еще громче.

– Если человек, выпустивший три книги, известнейший писатель...

– Три книги? – переспросила медсестра. – Нет, что вы... Впрочем, я опять болтаю лишнее! Я пойду...

– Счастливо, – улыбнулся я. – Приходи чаще. Девушка ушла, не очень твердо ступая – словно и вправду напилась допьяна. Я выпил еще стакан вина, съел все мясо и взглянул на экран телевизора, где закончился ковбойский фильм и началась «Бриллиантовая рука». Изображение вдруг на секунду померкло, и на экране высветилась мигающая надпись:

– Воронов, беги оттуда! Беги в город!

Потом фильм вернулся на экран, а я подумал – уж не померещилось ли? Хотя мне и не хотелось больше смотреть телевизор, я остался у экрана. И примерно через двадцать минут мое терпение было вознаграждено. Изображение снова погасло, а на экране появилась надпись:

– Карточку с деньгами найдешь там, где покупал ананас во время своего последнего приезда в Москву. Под днищем мусорной урны. Код активации соответствует дню, когда ты сломал ногу.

При всей бредовости сообщения я восхитился советом. Даже если послание будет перехвачено, вряд ли многие знают, где я покупал ананас за год до поездки на злополучный день рождения. И день, когда я ломал ногу в седьмом классе. В биографии о нем не пишут, а сам я его запомнил на всю жизнь.

Откуда, однако же, все это известно анонимному доброжелателю, хотел бы я знать? Собственно, когда я покупал этот ананас, то был один. И никому потом об этом не рассказывал. Выходит, за мной тогда был «хвост»? Странно. И еще более странно будет, если я действительно найду какую-то карточку в нужном месте.

Я сделал вид, что вообще не смотрю на экран, а разглядываю собственные туфли. Искося я все же поглядывал на телевизор. Но больше никаких сообщений на экране не увидел.

* * *

Бежать я намеревался и без советов неведомых, хорошо осведомленных доброхотов. Чем быстрее – тем лучше. «На воле», как оказалось, у меня были доброжелатели. Стало быть, нужно выбираться из «госпиталя», ехать домой. А там уже смотреть что почем.

– Надо примерить и синие джинсы, – сказал я вслух словно бы про себя, а на самом деле – для наблюдавшего за мной дежурного. Взял пакет и вышел из спальни. По дороге незаметно прихватил с собой столовый нож – на всякий случай.

В ванной я забрал и положил в пакет электробритву на аккумуляторах, одеколон, зубную щетку и пасту. Банальное воровство, но все это мне еще может сильно пригодиться. Особенно если домой нужно будет добираться кружными путями.

Подумав, я вернулся в комнату за стулом. Мне, как больному, тяжело примерять одежду без мебели! И неудобно – снятые вещи даже некуда положить!

Но на самом деле переодеваться я, конечно, не собирался. Поудобнее взяв стул за две ножки, двумя другими я ударил в стекло. Неплохо бы и осмотреться! Лишний звон, лишний шум – да всегда можно оправдаться, что стекло я локтем зацепил.

Однако же стекло не вылетело со звоном. Оно лишь треснуло в нескольких местах и стало мягким, как разбитый триплекс¹. Я аккуратно расширил ножкой стула отверстие. Всего несколько кусочков стекла упали вниз, не наделав много шума. А я наконец увидел «волю».

Высокое здание располагалось в густом сосновом лесу. На горизонте виднелись дымки большого города. На улице стояло лето, что отчасти подтверждало версию, будто со мной не все было в порядке. Да только насчет десяти лет не очень верилось.

Моя палата находилась примерно на высоте десятого этажа. Не очень-то спрыгнешь, из окна не спустишься. Разве что можно вылезти на крышу. Но этот вариант оставим напоследок. Собственно, зачем мне на крышу?

Из проделанной мной дыры в стекле была виден главный вход – широкие стеклянные Двери, к которым вели десять высоких ступенек. Рядом с дверями стояла стеклянная будка, в которой дежурил охранник. Бетонная дорожка уводила куда-то за здание. Туда на моих глазах проехал грузовик довольно странной обтекаемой формы. Наверное, позади здания был еще и запасной, служебный выход.

Вооружившись этой ценной информацией, я направился к лифту. Не боги горшки обжигают. Дождусь, когда кто-то приедет, если не смогу вызвать лифт сам. И воспользуюсь карточкой этого приехавшего. Если, конечно, это будет не Инна.

* * *

Коробочка рядом с лифтом, в которой имелаась тонкая щель для карточки, выглядела неприступной. Ни болтиков, ни съемных панелей... Монолитный кусок металла, вмурованный в стену.

Я поковырял штукатурку вокруг – нет, не отодрать коробку от стены, а то можно было бы замкнуть контакты накоротко. Наверное, она заделана и не штукатуркой вовсе, а каким-то сверхпрочным бетоном. Или твердой смолой.

¹ Стекло, применяющееся преимущественно в автомобилях. Изготавливается посредством наклеивания нескольких слоев стекла на пленку. При аварии разбитые куски стекла остаются на пленке, не разлетаясь в разные стороны и не нанося резаных ран пассажирам автомобиля. – Здесь и далее примеч. автора.

Не надеясь добиться какого-то определенного результата, а скорее от безысходности я сунул в щель нож. Коробка тихонько пискнула, а в шахте глухо загудел лифт. Совпадение? Или мои манипуляции кто-то заметил? Собственно, чего мне бояться? Я ведь не арестант!

Нож я, однако, спрятал в задний карман джинсов. А пакет положил на пол. Посмотрим, кто сюда приедет и зачем.

Лифт подошел секунд через двадцать. Открылись двери. Кабина была пуста.

Я поспешно шагнул внутрь. Вместо кнопок – такие же рады щелей, как и для вызова лифта. Используя полученный опыт, сунул нож в самую нижнюю. Можно, конечно, подождать, пока кто-то вызовет лифт. Но кто его вызовет и куда? И что я ему скажу по прибытии? Лучше самому управлять событиями.

Двери закрылись, кабина пошла вниз. Рассматривая панель управления, я сообразил, что отправил лифт на нулевой этаж, а не на первый. Что ж, это еще лучше – из подсобных помещений всегда проще выбраться во двор.

Лифт остановился, и из-за разъехавшихся створок мне стала видна компания каких-то панков с ярко раскрашенными волосами, разгружавших виденный мной сверху грузовик. Яркие белые коробки из пластика громоздились вдоль стен. Из грузовика доставали такие же.

Самая разумная тактика – не вступать в разговоры. Я был в цивильной одежде, а не в арестантской робе. Поэтому молча прошествовал мимо странных грузчиков в широко распахнутые ворота и по бетонной дорожке начал углубляться в парк, лежавший позади здания. Подальше от главного входа и дороги. Естественно, я не оглядывался. Шел по своим делам. Меня никто не окликнул. Да и зачем я мог понадобиться грузчикам? У них были свои дела.

Отойдя метров триста, я уронил пакет и нагнулся за ним. Это дало возможность посмотреть назад. Погони не наблюдалось. Здание еще можно было увидеть, но вряд ли кто-то следил за мной из окна. Я свернул в лес и ускорил шаг.

* * *

Проблуждав по лесу около двух часов, я начал понимать бесперспективность своего побега. Документов и денег у меня не было. Средств связи – тоже.

Где нахожусь, я не имел представления. Предположительно – в Подмосковье. Но в каком именно Подмосковье? Места эти я знал только теоретически. Когда-то бывал в Долгопрудном, когда-то проезжал на поезде мимо бесчисленных дач. Надо пробираться в столицу, но каким образом? В какую сторону?

Между тем солнце неуклонно опускалось к горизонту. Вот оно коснулось вершушек дальних деревьев, и в лесу стало почти темно.

Что происходит сейчас в нашем санатории добровольно-принудительного содержания? Меня хватились? Ищут? Что ж, ищите, ищите. Вряд ли найдете в такой чаще. На месте ведь я стоять не буду. И с каждым пройденным километром площадь поиска расширяется все сильнее. Ведь вы не знаете, в какую сторону я иду! Я и сам этого не знаю!

Выйдя к небольшому ручью, я снял туфли и джинсы, прошел метров двести по дну, вышел из воды на противоположный берег и резко изменил направление движения. Маловероятно, что меня будут искать с собаками. Да если и так, что они учуют – запах моих новых туфель? Но перестраховаться не мешало.

Солнце зашло. Небо стало серым, мрачным. Что ж, если пойдет дождь, меня точно не найдут. Правда, ночевать в лесу будет неудобно. Ну да ладно...

Я уже выработал план действий на завтра. Рано или поздно я выйду на железнодорожное полотно. По километровым столбикам определюсь, в какой стороне Москва. И сяду на электричку. Или даже пойду вдоль железной дороги. А в столице разберусь, что к чему. Постараюсь найти друзей, родственников. Да и рядом с одной из станций метро, в известном только мне

месте меня должна ожидать кредитная карточка. Если, конечно, сообщение, что появилось на экране телевизора, не было галлюцинацией.

Определившись с планом, я выбрал елку погуще, под которой росла трава помягче. Выбирать пришлось на ощупь – в лесу стало совсем темно. Сменив красивый бежевый свитер на теплый синий, я улегся на нагретую после жаркого дня землю и заснул. Снилось мне всякая дребедень. Огромные лаборатории, резервуары с ледяной и кипящей водой, мерцающие тысячами огней панели, компьютерные экраны. От этих снов на душе становилось тоскливо. Просыпаясь, я тоже не находил покоя.

* * *

Под утро стало совсем холодно. Поэтому с первыми лучами солнца я поднялся, слегка размялся, побрился без зеркала позаимствованной в институте бритвой и побрел вперед. Хотелось есть, хотелось пить. Я уже не надеялся добраться до столицы, решил сдать в руки первому попавшемуся милиционеру. Авось мое похищение организовала частная лавочка, а не государство. Хотя в доброжелательных милиционеров я не очень-то верил, может быть, они все же отправят меня домой.

Не исключено, что меня давно уже ищут. Родственники, друзья, коллеги... Не мог же я просто так пропасть на несколько месяцев? В то, что прошло десять лет, как утверждал Варшавский, я не верил. Так не бывает. Зачем только он придумал эту ерунду? Да затем, чтобы удержать меня на месте!

Елки стали реже, и я, как и надеялся, вышел к железнодорожному пути. Точнее, увидел путь с холма. Проблема заключалась в том, что на путь нельзя было выйти – он был обнесен трехметровым бетонным забором с колючей проволокой наверху. И вместо двух рельсов на бетонном полотне лежал лишь один!

Зрелище железной дороги с одним рельсом мне совсем не понравилось. Я успокоил себя тем, что это, наверное, знаменитая монорельсовая дорога Москва – Санкт-Петербург. Ее вроде бы собирались строить. Вот, наверное, частично уже и построили.

Раздалось шипение, переходящее в оглушительный свист, и по рельсу вдруг скользнула красно-голубая тень. Если это был поезд, то он несся со скоростью не меньше четырехсот километров в час. Я не смог даже разглядеть, сколько в нем вагонов!

Солнце карабкалось выше, а я шагал вдоль бетонной ограды. Поймают здесь – еще примут за террориста. Хоть я и без взрывчатки и без оружия, такие объекты лучше обходить стороной.

Свист и гул земли за оградой раздавались еще два раза. Суперэкспресс на Питер ходил подозрительно часто. А потом забор вдруг сразу закончился, и я оказался около станции. Высокое стеклянное здание, несколько будочек. Людей по утреннему времени маловато. На перроне – компания броско одетых молодых людей с крашеными волосами да два крепких мужика – то ли военные, то ли милиционеры, то ли охранники... Не разберешь – форма непонятная.

Монорельсовый путь отгорожен решетчатым заборчиком метра в полтора высотой. В нескольких местах – проемы с турникетами. Турникеты закрыты основательными шлагбаумами. Надо полагать, когда кто-то вставляет в щель кредитную карточку или проездной билет, проход открывается.

До станции я добрался. Но как уехать? Да и в какой стороне Москва? Желания сдать в милиции я теперь не испытывал. Может быть, обратиться к молодым людям? Скорее всего, они безобидные неформалы. Почему бы и не спросить их, что это за станция, как отсюда уехать в Москву? Странно, вообще говоря, что название станции на стеклянном вокзале не написано...

Я подошел к молодым людям. Три парня, одна девушка. Лица какие-то туповатые. Зато одежда по попугайски броская. Один парень с сережкой в носу, девушка – с тремя серьгами в

ухе и одной в губе. Волосы – ярко окрашенные. У двоих парней жесткие патлы торчат в разные стороны, у третьего стрижка короткая. Почти лысый. Девчонка – с мелкими косичками.

– Привет, мужики! В какой тут стороне Москва? Я в лесу заплутал, не пойму, куда вышел?

Все четверо уставились на меня, будто бы я спросил у них что-то крайне неприличное.

– А ты, типа, кто? – спросил после паузы высокий бритый молодой человек в ярко-зеленой куртке.

– Типа, журналист, – я пожал плечами. – Искал деревню Потаповку, да что-то не нашел. Не туда, видно, водила подбросил.

Молодые люди вошли в состояние еще большего ступора. Девушка как-то странно начала прижиматься к широкоплечему детине в ярко-красной безрукавке, со стальной, местами ржавой цепью на шее.

– А ты, типа, чего от нас ищешь? – спросил третий, худой очкарик в оранжевой рубашке с беспорядочными малиновыми пятнами.

Я отметил как неологизм выражение «чего от нас ищешь». Впрочем, в остальном лексика молодых людей не отличалась разнообразием.

– Москва где? – спросил я твердо и прямо. – И как эта станция называется?

– Что-то я не врубаюсь, – подключилась к диалогу девушка. – У тебя что, навигатор не работает? И идентификатора нет?

– Об елку разбил, – объяснил я.

– Эй, граждане полицейские! – проорал высокий парень мужикам в форме. – Тут неизвестный без идентификатора отирается!

Такого резкого «стука» от хулиганствующей молодежи я не ожидал. Это же надо – жалуются на обидчика в милицию! Почему он, однако, зовет мужчин «полицейскими»? Я не в России? Или за то время, пока я лежал в отключке, милицию все-таки переименовали, как и собирались? Действительно, какая она милиция? Известно ведь, что милиция суть добровольные народные формирования по поддержанию общественного порядка. А у нас – какая же милиция?

Лица полицейских тем временем приобрели заинтересованное выражение.

– Который? – спросил один из них подходя.

– Вот этот? – ткнул другой зачехленной короткой дубинкой мне в бедро.

И попал бы, если бы я не успел отклониться!

– Проверьте, что за птица, – предложила девушка. – Может, он радикал замаскированный?

– Ваш идентификатор? – сурово спросил старший полицейский. На его погонах было по три полосы, а на погонах его товарища – только две.

– В лесу потерял, – ответил я.

– А только что говорил, что об елку разбил! – наябедничал толстый парень. – Как можно разбить идентификатор? Только молотком!

– Пошутил, – оправдался я.

– Сейчас не время для шуток! – сурово заявил младший по званию полицейский. – Опасность терактов, высокий уровень преступности! Пройдемте, гражданин!

– И мужиками нас называл, – наябедничал очкарик. – Какие мы ему мужики? Мы – граждане! Это он – неизвестно что за личность! Может, даже радикал!

– Он за все ответит, – равнодушно пообещал старший полицейский.

– Вот как дать бы ему! – вклинился вдруг в разговор высокий, слегка подсакивая.

– Остерегитесь, гражданин, – предупредил зарвавшегося юнца полицейский, направляя дубинку в его сторону.

И ненавязчиво, но твердо взял меня под руку. Другой вытащил из кобуры на поясе устройство, в котором я заподозрил электрошоковую дубинку. Впрочем, та, которой меня пытались ткнуть до этого, была такой же. Только в длинном привинчивающемся чехле.

– Куда пойдём-то? – осторожно спросил я. – Личность выяснять?

– Что ж её выяснять, когда у тебя и идентификатора нет? – спросил старший полицейский. И как-то странно подмигнул.

Теперь мне стало совсем не по себе. Может быть, они меня сейчас отведут к бетонной ограде да и шлепнут из табельного оружия? Странно как-то все. Явные хулиганы, зовущие для защиты полицию и оживающие, лишь оказавшись под её защитой. Немногословные и суровые полицейские со странным подмигиванием...

Мои тяжкие раздумья прервал приятный звук – цокот каблучков по бетонному перрону. Я медленно, чтобы не спровоцировать охранявших меня полицейских, оглянулся и увидел Инну. Девушка, очевидно, заметила меня ещё раньше и теперь догоняла нашу живописную группу – журналист Воронов без некоего идентификатора, конвоируемый стражами порядка. Я улыбнулся знакомой медсестре.

– Граждане, граждане! – запыхавшись обратилась девушка к полицейским. – Я из «Института К», а вы задержали нашего пациента!

Инна так и сказала – «Институт К», словно название института было настолько секретным, что произносить его вслух не рекомендовалось.

При этом старший полицейский, державший меня, дернулся, словно случайно ухватился за змею. Младший же коротко бросил:

– Документы!

Девушка подала ему небольшую пластиковую карточку, которую полицейский поспешно засунул в щель устройства, болтавшегося у него на поясе.

– Код доступа «А», ассистент главного врача, – коротко сообщил он своему напарнику.

– Не будем связываться, – буркнул мой конвоир, торопливо отпуская мою руку.

Второй тоскливо посмотрел на меня, на Инну, но спорить не стал. Похоже, этот тип надеялся получить взятку.

Стражи порядка не сказали ни «вы свободны», ни чего-то ещё. Просто развернулись и пошли по перрону в противоположную сторону, будто бы никогда с нами не встречались.

– Пойдёмте, Евгений! – сказала Инна.

– Куда?

– Обратно в институт! Там вас все ищут, с ног сбились! Персонал не отпускали всю ночь!

– Если меня ищут с таким рвением, то тем более не должны найти, – с усмешкой сказал я. – Что это за контора, на которую вы работаете, милая девушка?

– «Институт К», – тихо прошептала Инна. – Вам лучше не знать, чем он занимается.

– Пока что я и не хочу этого знать. Мне надо в Москву. Ты мне поможешь?

– Да! – неожиданно легко согласилась девушка.

И тут компания молодежи, которая спустила на меня полицейских, вдруг начала подавать признаки жизни.

– Что, дружка себе нашла, герла? – обратился крепыш к моей знакомой.

– А он и лыка не вяжет! – расхохоталась девица.

– И нас мужиками называл! За это с вас причитается! – развязано заявил очкарик.

– Платить будете деньгами или натурой? – захохотал высокий.

Инна испуганно оглянулась на меня. Наверное, в её понимании сидевшие на перроне хулиганы были отчаянным бандитьем. Полицейские теперь словно бы и не видели нас. А я хорошо знал и такие компании, и правила их поведения. Лишь некоторые моменты мне были неясны. В частности, чего они так перепугались вначале и почему так обнаглели сейчас? Приняли дозу? Поняли, что я не тот, за кого они меня сочли вначале?

Я отстранил девушку немного в сторону и назад. Слегка развел руки, повернув открытые ладони к крашеным молодым людям. Сделал вдох и выдох. В голове зашумело. Перед дракой у меня всегда идет слишком большой выброс адреналина в кровь.

– Ну, кого я обидел? Подходи сюда, – предложил я, стараясь улыбнуться как можно неприятнее.

Нехорошие улыбки мне всегда удавались. Компания сразу завяла. Желающих выходить на бой один на один или всем вместе не нашлось.

– Тогда сидите тихо и не жужжите, – мрачно приказал я.

Сделал угрожающий жест в сторону развязной молодежи и демонстративно повернулся к хулиганам спиной. Инна их видела – я пойму, даже если кто-то вскочит бесшумно и бросится на меня сзади. Успею обернуться.

– Скоро поезд? – безразлично спросил я у своей знакомой.

В это время раздался свист, шум и блестящий состав затормозил у станции.

– Поехали быстрее, – предложила Инна. Голос ее прерывался. – Я возьму билет по своей карточке.

Она быстро засунула в щель турникета карточку, которую только что предъявляла полицейским, набрала что-то на клавиатуре рядом, и шлагбаум отошел в сторону. Мы вошли в большой вагон с мягкими креслами. Занята была примерно половина мест. Публика – самая разная. Старушки с кошелками, деды с садовым инструментом. Обычные, может быть, чересчур легко одетые люди. И ярко раскрашенная, вычурно вырядившаяся молодежь. Впрочем, молодых людей в вагоне было маловато.

– Садись! – приказала девушка.

Едва мы успели опуститься в кресла, как нас вжала в них приличная перегрузка. Состав набирал скорость очень быстро.

* * *

Путешествовать в «бешеной электричке», как я окрестил про себя монорельсовый экспресс, оказалось удовольствием ниже среднего. Скоростной разгон, от которого уходило в пятки сердце и кружилась голова, торможение, весьма напоминающее экстренное, – и так каждые две минуты. Меня наизнанку выворачивало.

С трудом оглядевшись по сторонам, я заметил, однако, что мало кто испытывает серьезные неудобства. Некоторые читали ярко раскрашенные книжки, другие смотрели на экраны, вмонтированные перед креслами, а третьи даже жевали. Старушки шептались между собой.

Инна, удобно расположившись в своем кресле, поглядывала на меня со смесью интереса и восторга.

– И ты совсем их не испугался? – спросила она.

– Полицейских? – уточнил я. – Да как тебе сказать... Приятного, в общем-то, мало...

– Да нет, я об этой банде! Их четверо, а ты один!

– Да хоть пятеро, – улыбнулся я. – Они же показушники. Молодые беззубые щенки. Побежали жаловаться полицейским, когда я вышел из леса без идентификатора. Кстати, что это такое? У вас в институте такие документы?

– Не только в институте. Везде, – ответила Инна. – А насчет молодежи ты зря. Они могли и не отвязаться так легко. Наркоманы, скорее всего. Но приняли тебя за настоящего гладиатора...

Девушка осеклась и испуганно уставилась на меня.

– А что, я очень похож?

Сравнение с бойцами древних римских амфитеатров меня только позабавило. Похоже, девочка боялась меня обидеть. Но, по-моему, на гладиатора я походил меньше всего. Особенно

в этом мягком, домашнем синем свитере. И с тщательно спрятанным столовым ножом в заднем кармане.

– Нет, что ты, – соврала Инна, глядя мимо меня.

Но было ясно – похож, и даже очень. Именно по ее притворно-вежливому тону.

Состав подбирался к Москве, а я уже понимал, что и вправду прошло порядком времени с тех пор, как я отключился на приятном банкете в сосновом бору.

Пусть вокруг института терлись подозрительные личности. Пусть там в ходу идентификаторы и прочие электронные средства доступа и расчета. Но и все вокруг было слишком необычным. И станции. И люди. И средства передвижения. Я словно бы попал в другую реальность.

Дома – огромные башни из зеркального стекла. Между ними – стеклянные трубки-мостки. Огромные платформы, неизвестно для чего поднятые к самому небу. Колышущиеся толпы ярко одетых людей внизу.

Я посмотрел в упор на свою спутницу.

– Какой сейчас год, Инна?

– Профессор Варшавский считает, что вам не нужно этого знать, – вздохнула та, пряча глаза. – Пока.

– И куда ты меня везешь?

– К себе домой. Куда я еще могу вас везти? Где мне вас спрятать?

– А зачем меня прятать?

– Ты же сам хотел, – вздохнула Инна.

Девушка постоянно сбивалась с «вы» на «ты» и наоборот. Наверное, я казался ей каким-то монстром. Но зачем тогда она хочет меня прятать? Да еще у себя дома? Или она собирается выдать меня полиции? Впрочем, такая возможность у нее уже была, и она ею не воспользовалась.

– Ты не обязана мне помогать, – сказал я. – Хотя, похоже, мне больше не на кого положиться.

– Я и сама считаю, что тебе лучше уйти из института, – прямо глядя мне в глаза, проговорила девушка. – У человека должен быть выбор. У тебя – особенно.

Почему она так ревностно встала на защиту моих прав, я уточнять не стал.

– На следующей станции выходим, – объявила Инна, когда поезд загрохотал по эстакаде над многоэтажными серыми коробками, скорее всего складами. – Пересядем в метро.

* * *

Станция монорельса оказалась еще хуже, чем «бешеная электричка». Стеклопанельное блюдо где-то высоко над домами. Толпа людей внутри. Бешено мчащиеся вверх и вниз эскалаторы в прозрачных рукавах.

Мы протолкались к эскалатору с надписью «в метро» и буквально рухнули вниз. Минута – и движущаяся лестница принесла нас в подземелье, на станцию «Речной вокзал». Если не считать новых, свежепрорубленных ходов и массы людей на перроне, метро мало изменилось.

– Платить не надо? – спросил я.

– Если бы мы вышли в город, я зарегистрировала бы карточку и мне бы вернули часть тарифа, – объяснила Инна. – А на в метро поедем в счет того, что я уже заплатила за монорельс.

– Ясно, – кивнул я.

Мы вошли в вагон, и я попытался изучить новую схему метрополитена. Линии метро уходили своими концами едва ли не в соседние области. Тут и там мигали непонятные значки. Один, как я понял, означал выход на монорельсовую дорогу. Два других, видимо, тоже показывали места перехода на альтернативные линии передвижения.

– Две пересадки – и мы дома, – сказала Инна.

– Послушай, а если тебя поймают? – спросил я. – Это ничем не грозит?

Спросил, и сам устыдился. Конечно, грозит! Но без нее что мне делать? Я ведь даже не доеду до той станции метро, на которой меня ждет карточка с деньгами.

– С работы выгнать могут, – со вздохом ответила Инна. – А больше – ничего. У нас свободное общество. Вот тебе грозит много чего. И вовсе не от государства и его представителей. Если бы кое-кто узнал, кто ты такой! За тобой бы настоящая охота началась... Впрочем, наверное, она уже идет.

– Да кто же я такой? – с улыбкой спросил я. Девушка в ответ улыбнулась тоже, ласково и немножко грустно.

– Всему свое время.

– Ладно, скажи хотя бы – кто ты такая? Я ведь и фамилию твою не знаю, и кем ты работаешь...

– Работаю я ассистентом профессора Варшавского. Закончила Первый медицинский институт, сейчас в ординатуре. Мне повезло с распределением. Зарплатой не обижают, подработать дают. Широкие перспективы. Это обо мне. Да, а фамилию сейчас называть не принято, если ты не звезда первой величины. Нескромно. Это ты запомни, на всякий случай. Граждане общаются по именам и прозвищам. Когда нужно по службе, добавляют идентификационный номер. Но вообще-то моя фамилия Свирская. Услышал – и забудь. Тебе она не понадобится.

А я принял ее за медсестру! Сказал бы вслух – еще обиделась бы. И сильно. Что может быть неприятнее для начинающего доктора, чем сравнение с младшим медперсоналом? Но почему она все-таки решила мне помочь?

* * *

Жила моя новая подруга в небольшом двенадцатиэтажном доме. Небольшим он казался по сравнению с огромными стеклянными башнями, что возвышались неподалеку. «Пятиэтажек» сейчас, похоже, вообще не осталось.

Дом располагался недалеко от станции метро «Бабушкинская» – в пятнадцати минутах ходьбы. Квартира Инны на третьем этаже, наверное, считалась престижной. Говорили об этом и добротная металлическая дверь, внешнюю сторону которой отделали деревом, и маленькая камера вместо глазка. Да и подъезд – с домофоном. Дверь подъезда Инна открыла магнитным ключом.

Квартира мне понравилась. Большая, светлая, с просторным коридором. Как минимум три комнаты. Может быть, и больше. Хозяйка провела меня в большую гостиную, выдержанную в светлых тонах, усадила в кресло и отправилась куда-то в недра жилья – по своим делам. Я сидел и осматривался. В гостиной – мягкая мебель, книжный шкаф и панель огромного плоского телевизора на стене. На тумбочке рядом с диваном – пульт дистанционного управления. Кнопок много, но для включения, скорее всего, служит самая большая. Решив, что хозяйка не будет против, я нажал на нее.

На экране появилась четкая, едва ли не объемная движущаяся картинка. Несколько людей в форме тащили куда-то еще одного, раненого. Вдали завывала сирена. На заднем плане поднимался дым. Откуда-то раздавались редкие крики. По всей видимости, шел выпуск новостей.

Мою догадку подтвердил диктор, голос которого за кадром сообщил: «Очередной теракт произошел на территории Североамериканского Альянса, Лос-Анджелес. Террористы взорвали дистанционно управляемую бомбу мощностью, эквивалентной двум килограммам тротила. Бомба была замаскирована под расчетную пластиковую карточку. Погибло шестнадцать человек».

Чего хотели террористы, я не понял. Диктор об этом не сообщил – видимо, само собой разумелось, что устремления взорвавших бомбу ясны каждому. А как можно замаскировать бомбу под карточку, оставалось только догадываться. Наверное, террористы применили сверхмощное взрывчатое вещество.

Попытавшись переключать каналы, я потерпел неудачу. Телевизор настоятельно предлагал мне ввести код программы и время, с которого я желал бы ее смотреть. Я этого сделать не мог, да и названий программ не знал. Однако кое-чего добился. Щелкая кнопками пульта, я наткнулся на индикацию больших электронных часов. Они показывали одиннадцать десять. Но мне было интересно не это. В уголке экрана светилась дата: 13 июля 2059 года. Если все это не было хорошо спланированным розыгрышем, с момента памятного мне банкета прошло больше пятидесяти лет. Я сам удивился, насколько мало это меня взволновало. Я только не мог понять: как?

* * *

Минут через двадцать Инна пригласила меня в другую комнату. Стол накрыт на две персоны. Красивые фарфоровые тарелки, хрустальные бокалы – точно такие же, как те, из которых угощали меня в загадочном «Институте К». Существовало два варианта: девушка позаимствовала бокалы в институте и, что более вероятно, принесла туда свои. Что-то подсказывало мне, что хрусталь сейчас не в ходу.

В большой глубокой тарелке лежали дымящиеся пельмени, рядом, прямо в пластмассовой баночке – сметана «Ратибор». Пластиковая литровая бутылка с газировкой «Калинка», несколько ломтей черного хлеба, каждый – в маленьком полиэтиленовом пакетице со штрих-кодом. В глубокой хрустальной масленке – небольшой брусок масла.

Аккуратно взяв баночку со сметаной, я прочел на крышке: 11.07.59. Что ж, с показани-ями телевизора дата согласовывалась.

– Тебе нравится? – спросила Инна, когда я попробовал пельмени.

– Да, конечно, – солгал я.

Пельмени были явно соевыми, сметана – с каким-то гадковатым машинным привкусом. В институте кормили лучше.

– Я не сама делала. Заморозка, – смущенно улыбнулась девушка.

Видно, ей пельмени тоже были не слишком по вкусу.

– Что уж там, – усмехнулся я. – Ты рассказывай, не стесняйся. Зачем я тебе понадобился, чем я рискую. Чем рискуешь ты. И что вообще здесь происходит.

Взяв бутылку с газировкой, налил девушке и себе. Отхлебнул. Газировка оказалась с алкоголем, но весьма приятной.

– Не пробовал «Калинку»? – попыталась уйти от ответа хозяйка.

– «Калинку» – не пробовал, много чего другого пробовал, – ответил я. – Вы меня, надо полагать, совсем диким считаете? Зачем Варшавский на бейджике твердые знаки везде в конце слов поставил? «Университеть»! Это же надо придумать! Ботинки какие-то дореволюционные нацепил!

– Мы читали, что в конце прошлого века орфография была другая... И очень старались подобрать нужный стиль...

– В конце позапрошлого были твердые знаки. И в начале прошлого, – уточнил я. – И газировка уже в мое время была, и компьютеры были.

Инна вдруг изменилась в лице, пытаясь закрыть рот рукой, потом резко опустила руку и спросила:

– В какое еще твое время? Что ты знаешь о сегодняшнем времени?

– Да уж дату вычислил, – усмехнулся я, кивая на банку со сметаной. – И хочу знать – как я здесь очутился? И зачем?

– Я не скажу, – твердо ответила девушка. – Буду помогать тебе во всем, но кое-что не скажу.

– Странно позиция.

– Единственная возможная. Мне показалось, или в глазах девушки действительно блеснули слезы?

– Почему ты рискуешь, помогая мне? Инна грустно улыбнулась:

– Даже не ожидала от себя такого. Но понимаешь... Когда я тебя увидела – в пижаме, сразу после восстановления... Ты все равно казался сильным, бодрым! Совсем не таким, как люди сейчас.

– Я действительно чувствую себя очень неплохо. Что со мной сделали? Даже зубы восстановились, и шрамов нет!

Девушка склонила голову набок. У нее была очень красивая шея, которую едва скрывали серебристо-платиновые пряди волос.

– Об этом ты, возможно, узнаешь позже. Сам. Я слушала тебя, вспоминала твои книги, которые прочла. То, что я читала о тебе. А я много читала. И поняла, что проект был затеян не напрасно. Когда я встретила тебя на станции, когда увидела, как ты разговаривал с этим хулиганьем... Среди моих знакомых никто бы на такое не решился. Даже подойти к ним. Ты же поверг их в панику! Они почувствовали силу!

– Пусть так, – улыбнулся я. – Только я не совсем понял насчет книг. Ты уже упоминала о них вчера, в клинике. Неужели два фантастических романа и детская книжка принесли мне такую известность? Неужели их читают до сих пор? Я в общем-то неплохого мнения о себе, но, по-моему, это перебор! Слабо верится.

– Ты многое забыл, – вздохнула Инна. – И это к лучшему. Книг было много. И статей. И выступлений. Но была возможность восстановить твоё сознание именно таким, какое оно есть сейчас. И, мне кажется, так даже лучше.

Я нервно рассмеялся. Девочка говорит слишком много, но далеко не все. И я мало что понимаю. Они пересадили мой мозг в другое тело? Но тело мое. Подвергли какой-то интенсивной терапии, от которой омолодилось тело, а сознание было отброшено назад? Больше похоже на правду. Но неужели я согласился на такую процедуру сам? Вряд ли... А наверняка я этого знать не могу, потому что не помню ничего! Трехэтажный дом, сосновый бор, озеро, фейерверки все!

Я отставил в сторону тарелку с недоеденными пельменями. Налил еще «Калинки» – себе и девушке.

– Мне нужно скрываться? – спросил я у Инны.

– Наверное, да. Я не знаю, – вздохнула она. – Кто может решить это, кроме тебя?

– Меня будут искать?

– Конечно.

– Легко ли им будет меня найти? Может быть, мне все-таки лучше уйти от тебя? И для твоей безопасности, и потому, что связь слишком очевидна...

– Чересчур очевидна, – подтвердила хозяйка. – Вряд ли стоит серьезно опасаться визита полицейских в эту квартиру. Меня, как и всех, допрашивали всю ночь после твоего побега. С применением детектора лжи и правдосказа. И я, естественно, ничего не сказала. Потому что на самом деле ничего не знала. Стало быть, я практически вне подозрений. А у тебя ведь даже нет идентификатора. И встроенной поисковой системы.

– Какой?

– Вот такой.

Инна показала запястье. На нем были едва заметны два выступающих наружу металлических кружочка. Не толще спички. А под кожей угадывалась пластинка размером с копеечную монету. Что и говорить, зрелище не очень приятное. Хотя и не слишком противное.

– Мне нужно кое-куда съездить, – заявил я. – Не хочется жить у тебя в нахлебниках. Мне обещали помочь деньгами.

– Кто? – встрепелась Инна. – Когда ты успел с кем-то договориться?

– Успел, – улыбнулся я.

– Это не ловушка?

– Вряд ли. – Я пожал плечами. – Впрочем, проверим. Можно ездить в метро без идентификатора?

– Можно. По безличной расчетной карточке. Я дам тебе такую. Но нельзя привлекать внимание полиции. Если они обнаружат отсутствие идентификатора, то арестуют тебя. И передадут в институт.

– Постараюсь быть естественнее.

– Но сегодня ты никуда не поедешь? – с надеждой спросила девушка. – У меня прекрасный, высокоскоростной выход в Сеть, привилегированный доступ к вещанию. Посиди, узнай, что делается в мире!

– Так я и сделаю, – пообещал я. – А ты отдохни. Не спать всю ночь не слишком полезно для здоровья.

– Я покажу тебе, как пользоваться Сетью, и лягу, – сказала Инна. – Сам-то ты где провел ночь?

– Под елкой в лесу. Не так уж плохо!

* * *

Я сидел перед огромным жидкокристаллическим экраном с универсальным пультом дистанционного управления, заменяющим клавиатуру, мышь и джойстик, и изучал ресурсы Сети. Это оказалось еще проще, чем путешествовать по Интернету. Дружественный интерфейс, масса подсказок и пояснений, даже возможность проконсультироваться с компьютером, как лучше вести поиск. В принципе, для того, чтобы бродить по современной Сети, не требовалось и грамоты. Пользоваться услугами Интернета мог и трехлетний ребенок – если бы у него хватило терпения нажимать на кнопки поочередно.

Машина, установленная в квартире Инны, вполне могла давать советы. И бегущей строкой, и устно, и появляющимися в углу экрана картинками. Точнее сказать, если я правильно понял, большая и мощная машина была установлена где-то в другом месте, а здесь мы, наряду с многими, получали к ней доступ. Доступ был защищенным и конфиденциальным.

Как и любого нормального человека, попавшего в странную ситуацию, меня интересовала информация о себе. Я активно занялся ее поисками в Интернете. Фамилия у меня довольно распространенная, но, введя некоторые ограничения – ресурсы компьютера и поисковых программ позволяли еще и не то, – я вышел именно на себя. С интересом просмотрел список своих книг. Помнил я из них только три, а в списках и ссылках книг было порядочно. Названия мне ни о чем не говорили.

Наугад открыл одну из небольших работ, ссылки на которую встречались чаще всею. Прочел несколько абзацев. Что ж, стиль похож. Впрочем, сейчас я кое-что написал бы по-другому. Но что было со мной после того банкета? Что будет со мной уже через несколько месяцев? Разве даже одну и ту же статью и книгу пишет один и тот же человек? Каждый день мы меняемся. Приобретаем опыт, тешимся иллюзиями и избавляемся от них, меняем свое настроение и взгляды на какие-то проблемы...

Биографии своей я нигде не нашел. Может быть, управлять компьютером было все же не таким простым делом, как мне казалось. А еще вероятнее, Инна успела шепнуть машине, чтобы та не предоставляла мне определенные сведения. Что ж, вопрос самоидентификации подождет. Займемся другими делами.

После завтрака, когда радушная хозяйка учила меня обращаться с техникой, я спросил ее, что она имела в виду, когда говорила о гладиаторах. И о том, что я на них похож.

Инна опять густо покраснела, потом, тряхнув пышными волосами, объявила:

– Насчет гладиаторов и зрителей – это все предрассудки. Условности. Тебе, возможно, даже понравится, что тебя называют гладиатором. Почитай работы Альберта Гроссмана. По моему, это он и ввел термин «гладиатор». Желтая пресса начала развивать его идеи, и ничего хорошего из этого не вышло. А условный термин «гладиатор» стал почти что ругательством – как некогда в Древнем Риме.

Я обратился за помощью к компьютеру. Больше всего ссылок оказалось на работу Гроссмана «Психология современного общества». Эту же статью и запрашивали чаще всего. Я тоже заказал ее.

Запрос выполнили мгновенно, и я погрузился в чтение.

«... В современных условиях борьба за существование как таковая практически отошла на второй план. Вот уже несколько десятилетий огромными темпами идет переоценка основных человеческих ценностей. Это сильно сказывается на психологии граждан.

Люди находятся в относительной безопасности – если исключить тех, кто живет и работает в зоне локальных конфликтов, и тех, кто может подвергнуться атаке террористов. А поскольку подвергнуться террористической атаке может практически каждый, интерес к экстремальным проявлениям человеческой сущности стоит даже острее, чем можно было бы ожидать от общества потребителей. В этом смысле наше общество близко к плебейм Древнего Рима, требовавшим: «Хлеба и зрелищ!» Хлеб есть практически у каждого, но это не снизило, а, напротив, резко повысило необходимость и ценность зрелищ.

Современное общество разделено на две категории: граждан-зрителей и «гладиаторов». Для удобства мы будем называть их именно так: «зрители» и «гладиаторы». Естественно, каждый понимает, что определение такое оскорбительно для большинства членов социума, но некоторые представители той или иной группы даже бравировуют принадлежностью к ней.

Деление на «зрителей» и «гладиаторов» условно и не всегда четко. Элементарный пример: как только обыкновенный гражданин из разряда «зрителей» застревает в обычном лифте – желательно в лифте, у которого оборвался страховочный трос и который держится в шахте лишь на «честном слове», – он мгновенно переходит из категории «зрителей» в категорию «гладиаторов». Это происходит не по его воле, против его желания, но отныне те, кто толпится вокруг лифта (а таких «зрителей» всегда более чем достаточно), воспринимают его уже не как представителя своего класса, но как «гладиатора». По их мнению, он должен произносить патетические речи, прощаться с жизнью и родными, браниться.

Если «гладиатор» не выказывает подобных проявлений, его могут подбодрить или, напротив, даже освистать. Но, как правило, все одобрительные крики направлены на то, чтобы вернуть «гладиатора» к роли – в данном случае роли жертвы, разбудить его чувства. Мало кто из «зрителей» сочувствует объекту «шоу». Для них он – всего лишь актер в постановке, о которой они смогут рассказать приятелям – таким же «зрителям», как и они сами.

Существует и второй отряд – «устойчивых гладиаторов», «гладиаторов по выбору». Типичные профессии, где преобладают представители данной категории – гонимые, трюкачи, пожарные, космонавты, спортсмены экстремальных видов спорта, отдельные отряды полиции, армии. Естественно, наиболее яркими и опасными представителями «гладиаторов» являются террористы из экстремистских группировок и террористы-одиночки. Артисты и журналисты не являются «гладиаторами» в том смысле, в каком мы употребляем этот термин

в данной работе. Хотя они стремятся походить на настоящих «гладиаторов», «зрители» чувствуют подмену. На сцене, на экране игра идет не всерьез. Поэтому большинство журналистов можно отнести к «профессиональным зрителям», а актеров – к самым тонким ценителям гладиаторского мастерства. В частности, в вышеупомянутом случае с лифтом почти каждый профессиональный актер оценивал бы «работу» застрявшего гражданина с эстетической точки зрения, безумно завидовал бы его кратковременному успеху и вниманию «зрителей», но не спешил бы поменяться с ним местами.

Помимо причин, указанных выше, огромную роль в воспитании цивилизации «зрителей», по всей видимости, имело искусство. Фильмы, где герои вытворяли и продолжают вытворять невиданные для любого настоящего «гладиатора» вещи, прямые трансляции катастроф и захвата заложников – все это говорит современным зрителям о том, что именно так, ярко и насыщено, а не пресно и скучно должна идти жизнь. И поэтому граждане, с детства запуганные, но при этом развращенные сладковатым душком разложения, покалывающим кожу ощущением опасности, атмосферой художественной грубости и насилия, строят два мира: реальный и виртуальный.

Но различать грань между высококачественной виртуальной постановкой и зыбкой реальной жизнью становится все труднее. Поэтому случаются переходы добропорядочных, трусливых и запуганных граждан в отчаянных «гладиаторов». Вот почему такой интерес вызывают любые опасные и кровавые действия.

Еще одним ярким примером «временного гладиатора» является наркоман в состоянии аффекта. Собственно, любой гражданин, принадлежащий к категории «зрителей», может стать «гладиатором» по доброй воле – для этого ему достаточно принять сильнодействующее стимулирующее средство. Тогда страх отступает, а стремление к всеобщему вниманию, популярности берет верх над прочими чувствами, над инстинктом самосохранения.

Подавить инстинкт самосохранения очень важно, потому что достойным зрелищем для любого «зрителя» является только игра со смертью, приближение смерти и сама смерть. Все другие события, чувства и переживания давно перешли в разряд малоинтересных. Это произошло прежде всего потому, что программы новостей показывают только катастрофы с массой смертельных исходов потому, что в любом остросюжетном фильме умирает, как правило, несколько десятков, если не сотен людей. И все это – на глазах у зрителей. Другие события – несчастная любовь, крушение надежд, приобретение богатства – тоже привлекают порой внимание зрительской массы. Но роли счастливых и несчастных любовников, нуворишей и разорившихся богачей – роли второго плана. Ценность представляют лишь герои, недогнущей рукой отправляющие в мир иной десятки людей.

«Постоянными гладиаторами» движут другие побуждения, нежели гладиаторами случайными. Возможно, эти люди действительно физиологически отличаются от обычных «зрителей». Психические они различия налицо. «Гладиаторы» пребывают в постоянном состоянии аффекта. Для них вся жизнь – спектакль. И главная цель – не сохранить себя, а достойно сыграть роль. В некоторой степени «гладиаторы», следуют самурайской этике: важно, как ты умрешь, а не когда это случится. Любой «гладиатор» балансирует на грани между жизнью и смертью, по возможности все же растягивая представление. Но если открывается перспектива блестящей концовки, любой «гладиатор» с радостью пойдет в направлении смерти...»

Я оторвался от экрана и невесело улыбнулся. Может быть, я в самом деле гладиатор? Сложно сказать. К смерти я, несомненно, не стремлюсь. Быть все время на виду тоже не тянет. Но и к категории «профессиональных зрителей» меня отнести трудно. Хотя некоторые черты «зрителя» у меня и имеются, все же я не падоk до кровавых зрелищ.

Для жителей современного мира я конечно же яркое олицетворение «гладиатора». Человек из прошлого, причем, насколько я могу судить, довольно известный, загадочно явившийся

в будущее. Впрочем, загадка, возможно, существует лишь для меня. А для современных зрителей это не загадка, а некая пикантная подробность. Делаящая представление еще ярче.

Теперь мне стало понятно и поведение современных «блатных» на железнодорожной станции. Сначала они не смогли меня идентифицировать (простите за тавтологию – у меня не было идентификатора!) и сыграть свою роль «гладиаторов» – «благородных разбойников» или «кровожадных злодеев». Чем одна роль хуже другой? Когда появилась Инна, все стало на свои места. Они обрели запуганных «зрителей» и не прочь были проявить себя. Но потенциальная жертва вновь повела себя нетипично, и они решили не геройствовать. Потому что относились к категории «гладиаторов по случаю» и не собирались рисковать всерьез, вступая в конфликт, который мог закончиться для них плачевно.

Общество в целом растет, отдельные представители его деградируют. Сумма разума на планете остается постоянной. Не я придумал, не во всем с этим согласен, но что-то здесь есть...

Теперь я не слишком опасался ехать за обещанной мне карточкой. Допустим, ее предлагают мне местные жители. Я должен справиться с ними, даже если они затеют нечестную игру. А если со мной для чего-то играют власти – я постараюсь найти управу и на них. Главное – действовать нестандартно.

Впрочем, я еще не сталкивался с настоящими «гладиаторами». И мне почему-то не очень хотелось с ними общаться.

* * *

Забросив исследования, я начал смотреть новости. Что ж, мир изменился, но изменился не глобально. Америка, которую теперь почему-то именовали Североамериканским Альянсом, находилась в состоянии холодной войны с арабским миром. Дело осложнялось тем, что на Американском континенте оказалась сильна «пятая колонна». Здесь хватало мусульман, преимущественно чернокожих выходцев из Африки и арабов, поддерживающих потенциального противника.

Россия пыталась вести политику неприсоединения, но это получалось не слишком удачно. То и дело здесь тоже вспыхивали локальные конфликты.

Китай превратился в мощнейшую державу. Впрочем, рядом были другие могучие государства: Япония, Корея, Индия, Индонезия. У этих стран на повестке дня стояли свои проблемы и свои интересы.

Посмотрев дайджест самых популярных научных программ, я ознакомился с последними достижениями науки. Генная инженерия продвинулась далеко вперед, многие считавшиеся прежде неизлечимыми болезни теперь не представляли опасности. Человечество сильно продвинулось по пути производства синтетических продуктов питания, синтетического топлива. Некоторые продукты сейчас делали буквально из угля. Нефть для этого была слишком дорогой.

Больше всего меня заинтересовали два открытия в физике: ученые нашли способ построить рентабельные термоядерные электростанции и открыли, как перемещать материальные объекты из точки А в точку В без преодоления расстояния между этими точками по какой бы то ни было траектории. Перемещение требовало небывалой мощности, но с новыми источниками энергии не являлось невозможным. Автоматические, снабженные искусственным интеллектом зонды исследовали пространство неподалеку от ближайших к Солнечной системе звезд.

Несколько часов я смотрел отчеты о звездных экспедициях. Казалось бы, какое мне дело? Со своими бы проблемами разобраться... Но я не мог оторваться от завораживающих картинок далеких миров. Моей мечтой всегда было дождаться высадки человека на Марсе. Этот этап был пройден: люди посетили и Марс, и спутники Юпитера. Правда, колоний там не создали. Зачем? Даже на Луне не построили научно-исследовательской станции. Большой интерес вызывали астероиды – как источники сырья, в первую очередь металлов.

К звездам людей еще не отправляли – часть посланных в далекие миры автоматических зондов словно бы проваливалась в никуда. И если вероятность успешного путешествия «туда» приближалась к восьмидесяти процентам, то полет «обратно» был успешен лишь в шести процентах всех попыток. Однако же ученые не теряли оптимизма. Момент, когда представитель человечества впервые побывает в другой звездной системе, должен был наступить скоро.

Далекие светила на экране сияли багровым и синим пламенем. Вокруг них вращались кометы и неведомые планеты. И я забыл о том, где я, зачем я здесь, забыл о проблемах. По сравнению с величием мироздания наши тревоги кажутся такими мелкими и нестоящими, что, вспомнив о них, можно лишь улыбнуться...

Из возвышенно-патетического настроения меня вывела Инна. Пока я сидел, уставившись в экран и с силой давя на сенсорные кнопки дистанционного управления, девушка выпалась. Теперь она тихо вышла из спальни и остановилась на пороге. На ней был домашний шелковый халатик до колен с рукавами три четверти, пушистые тапочки. Никакой косметики – но от этого молодая женщина отнюдь не стала хуже.

Сладко потянувшись, Инна спросила:

– Не сильно скучал?

– Что ты! Разве с такой техникой можно соскучиться?

Может быть, мой ответ был и не очень деликатным, но зато правдивым.

– Не хочешь развлечься по-другому? – лукаво улыбнувшись, спросила девушка и сбросила халат.

Конечно, я не пуританин. Меня не так легко смутить. Но надо же, какие вольные нравы царят в нынешнем обществе!

Впрочем, я был и не настолько скромн, чтобы отвести глаза. Под халатом у Инны оказался купальник. Причем строгий, сплошной. Может быть, нынче такая мода? Что-то не верится. С годами мода стремится к облегчению и упрощению. И закрытый купальник – явно тупиковая ветвь развития белья...

Впрочем, и в таком купальнике девушка выглядела соблазнительно. Немного полные, но ровные ножки, хорошо различимая талия, высокая грудь... зачем я, однако, на все это смотрю?

Увидев выражение моего лица, Инна рассмеялась:

– Наверное, ты подумал, что я мечтаю упасть в твои объятия? Я всего лишь приглашаю тебя искупаться в бассейне!

– Спасибо, – запинаясь, выговорил я. – Но где?

– И в чем! – еще звонче засмеялась Инна. – Плавки я тебе заказала – и их уже доставили. А бассейн есть в квартире.

– Неплохо, – заметил я.

– Пойдем!

* * *

Из гостиной мы попали в столовую, оттуда – в коридор, а из коридора – в маленький тренажерный зал. На беговой дорожке лежал пакетик с синими плавками. Инна указала мне на него и юркнула в следующую дверь. Я взял пакет, в очередной раз испытывая чувство неловкости из-за того, что пользуюсь чужими материальными ресурсами. А точнее, деньгами. К тому же деньгами девушки. Да, судя по квартире, она совсем не бедствует. Но это еще не повод одевать и кормить меня!

Быстро переодевшись, я открыл дверь и вошел в следующую комнату. Точнее, я думал, что это комната. Инна стояла в маленьком коридорчике. Сбоку, в небольшой нише, располагалась кабинка душа. Сам коридор выходил прямо в огромную чашу бассейна.

Размеры бассейна поражали воображение. Тридцать на тридцать метров – никак не меньше. А может быть, и сорок на сорок. Тем более странной выглядела планировка: никаких дорожек, искусственных пальм и шезлонгов вокруг чаши – только вода, плещущаяся о стены, обложенные красивым голубоватым кафелем... Я не сдержал изумленного возгласа.

– Что это? Как? Тут что, резервное хранилище воды для всего дома?

Размеры бассейна поразили меня сильнее, чем раздевание хозяйки несколько минут назад.

– Нравится? – спросила Инна.

– Еще бы!

– Прыгай, купайся!

– А ты?

– Я – немного позже.

Девушка была в купальнике, но в воду не входила, стояла зачем-то в коридорчике. Нет ли здесь какого подвоха? Допуская такую возможность, я все-таки спустился в бассейн. Вода оказалась теплой – градусов тридцать. Версия с резервными запасами подверглась критике – зачем греть воду в резервуаре? Да и кто позволит купаться в питьевой воде? Но еще более абсурдно пользоваться таким огромным бассейном в одиночку!

Опустив лицо в воду, я поплыл. Несколько мощных гребков – и я на середине бассейна. Обернувшись, откинул со лба мокрые волосы, улыбнулся девушке. Поплыл обратно. Инна из узкого коридорчика махала мне рукой. Кругом – кафельные стены и небольшой проем входа. Странное зрелище!

Я вернулся к металлической лесенке, снизу вверх разглядывая довольную хозяйку.

– Не догадался, откуда у меня такой бассейн?

Девушка заливалась хохотом. Может, меня снимают скрытой камерой? Может быть, вообще все мои потуги, начиная с побега из больницы, – тщательно поставленное шоу? Где это видано – открывать двери на секретном объекте, используя обычный столовый нож? Уходить от полиции, когда у тебя нет документов? Путешествовать по Интернету с помощью пульта дистанционного управления телевизором?

– Не знаю, – честно признался я. – У богатых свои причуды...

– Я спущусь к тебе, только не отплывай от меня далеко. Я плохо плаваю, боюсь утонуть! – попросила Инна.

Ну, это вообще что-то невиданное! Человек, который не умеет плавать, имеет дома бассейн, по размерам сопоставимый с олимпийским!

Глядя на мое ошарашенное лицо, девушка словно прочла мои мысли.

– Я и заказала бассейн специально для того, чтобы научиться хорошо держаться на воде, – пояснила она. – Еще древние греки, чтобы показать неразвитость человека, говорили о нем: «Он не умеет плавать!»

– Да, слышал, – машинально ответил я.

Инна тем временем спускалась в бассейн, крепко держась за поручни. Вот погрузились круглые коленки, гладкие бедра, вода дошла до середины живота... На груди девушки на прочном шнурке зачем-то болтался то ли брелок, то ли свисток. Может быть, амулет?

– Здесь же можно стоять, – заметил я. – Чего ты боишься?

– А вдруг поскользнусь и утону? – серьезно спросила Инна.

Да уж...

Аккуратно переступая, девушка подошла ко мне. Приблизилась почти вплотную. От нее легко пахло дорогими духами, дыхание было свежим.

– Хочешь, продемонстрирую тебе возможности техники будущего? – тихо спросила она.

– Хочу.

– Закрой глаза.

Я послушно закрыл – что мне оставалось делать?

– Нет, не верю, – тихо вздохнула Инна. – Я сама...

Мягкая нежная ручка легла мне на глаза. Девушка была рядом, меня касались не только руки, но и ножки, и что-то еще...

– Сейчас мы переместимся на тропический остров. Куда ты хочешь – на Гавайи, на Карибы или на Фиджи?

– Конечно, на Фиджи, – не задумываясь, выбрал я. Послышался легкий шум, подул ветерок.

– Смотри!

Я открыл глаза. Над головой – звездное небо. Вокруг – океан. Точнее, с одной стороны – остров с низким песчаным берегом и теряющимися во тьме пальмами. Но с трех других сторон – океан. И никого вокруг.

Наверное, я должен был испытать романтический восторг. Да, вокруг было очень красиво. Но мне стало не по себе. Даже жутко. Я вспомнил об акулах. Аккуратно взял Инну за талию и предложил:

– Может быть, выйдем на берег?

– Нельзя, – покачала головой девушка.

Глаза ее мечтательно закрылись, рот, напротив, полуоткрылся. Блеснули ровные белые зубки. Безумие... Я, наверное, сошел с ума. Но она хотела, чтобы я ее поцеловал. И я это сделал. На краю бескрайнего океана. В том месте, которого не должно было существовать...

* * *

Минуты две мы целовались. Девушка тихонько мурлыкала. По-моему, она не так уж и боялась потеряться или утонуть. Что довольно-таки странно для человека, не умеющего плавать. А потом я вдруг осознал, что мы продолжаем стоять на гладком кафельном полу.

Да, вода вокруг колыхалась, как в океане. Да, дул легкий ветерок с некоторыми обобщенными тропическими запахами. Но дно океана было выложено кафелем!

Я выпустил Инну и поглядел под ноги. Маленькие цветные рыбки сновали над белым кафелем. Время от времени рыбки тыкались носами прямо мне в ногу, но я этого не ощущал. А некоторые рыбы буквально вплывали в ноги.

– Голограмма? – догадался я. – Но ветер? Волны?

– Специальные установки, – объяснила Инна, проводя пальцем по моей щеке. – Техника очень дорогая. Чтобы купить такой бассейн, мне пришлось выложить полугодовую зарплату. А в «Институте К» я зарабатываю хорошие деньги... Хочешь посмотреть, как все на самом деле?

– Еще бы...

Инна взяла свисток, болтающийся на шее, поднесла к губам, что-то шепнула, и тропический океан исчез. Резко придвинулись стены. От неожиданности со мной едва не приключился приступ клаустрофобии. Потолок был в метре над головой. Бассейн – размером три метра на три.

– Но как я плавал здесь? Я ведь плыл до середины бассейна долго! А этот бассейн я могу преодолеть в два гребка!

Девушка покачала головой, лукаво поглядывая на меня.

– Компьютерная система создает незаметное, но мощное течение, фиксируя твоё положение и скорость. Ты работаешь «мышкой» на коврике – система вычисляет, куда ты должен добраться согласно созданной иллюзии, соответственно изменяет картинку, а ты плывешь практически на месте из-за течения воды. Но тебе кажется, что не вода течет навстречу тебе, а ты рассекаешь ее. Картинка же постепенно смещается. Такое вот применение теории относительности. Если знаешь, в чем дело, часто подмечаешь «краевые эффекты». Когда подплы-

ваешь к бортику, по стенам идет рябь. Когда резко останавливаешься, инерцию преодолеть практически невозможно, Бывает, волной тебя даже выбрасывает на стену. Впрочем, все почти безопасно...

– Ты и правда не умеешь плавать?

– Умею. Кто в своем уме станет покупать такую дорогую вещь, если не сможет ей пользоваться? У меня по плаванию первый разряд. Но и ты плаваешь очень неплохо. Хорошая техника.

– Тренировался в свое время. Инна продолжила объяснения:

– Тебя я просила не отходить потому, что бассейн предназначен для одного человека. Для двух наблюдателей на такой площади невозможно поддерживать достоверную иллюзию. Только в том случае, если их движения согласованны и они перемещаются в одну сторону. Поэтому для двоих предназначены только статические пейзажи.

Инна опять поколдовала с непромокаемым пультом управления, и вокруг появился еще один ночной ландшафт: звезды, ивы на берегу реки, медленно текущая вода... Я вновь попытался обнять девушку, но она выскользнула и растаяла в туманном мареве. Сделав несколько гребков, я так и остался среди тумана. Тогда я увеличил темп, поплыл быстрее. Вода вокруг забурилась, и внезапно я наткнулся на стену. Вокруг была все та же река, а передо мной небольшим островком вырос кусочек стены. Двигаясь вдоль него, я на ощупь нашел коридорчик и поднялся по лестнице. Инна была уже там – вытирала волосы большим махровым полотенцем. На поверхности бассейна, положение краев которого теперь было трудно определить, играли лунные блики.

– Не хочешь больше купаться? – спросила девушка.

– На сегодня, наверное, хватит.

– Тогда пойдем ужинать.

* * *

Я бы, конечно, хотел организовать ужин при свечах. Или пойти в ресторан. Но на рестораны у меня не было денег. Да и на домашний ужин тоже. Не я был здесь хозяином, а в чужой монастырь со своим уставом не лезут.

Инна выставила на стол странные отбивные – не иначе, растительного происхождения, капустный салат и хлеб, оставшийся от завтрака. Девушка, наверное, строго следила за своей фигурой. Я после целого дня работы и купания съел бы больше, но приходилось довольствоваться тем, что имелось. Попросить добавки я стеснялся.

Когда с едой было покончено, хозяйка отвела меня в маленькую комнатку с кроватью, тумбочкой, небольшим шкафом и конечно же панелью жидкокристаллического монитора на стене.

Взяв меня за руку, Инна улыбнулась и сказала:

– Твоя спальня.

После чего упорхнула так стремительно, что я не успел даже ничего сказать. Некоторое время посмотрев телевизор, я лег. Ночью ко мне приходили, к сожалению, только кошмарные видения. Хозяйка скрылась у себя и не показывалась.

Утром я проснулся очень рано. Солнце лишь немного поднялось над горизонтом.

Вставать я не торопился. Лежал, размышлял. Что со мной происходит? Как я дошел до жизни такой? Кто на самом деле моя хозяйка? Откуда у недавней студентки просторные хоромы почти в центре Москвы? Вряд ли в последнее время жилье здесь подешевело... Объяснений найти можно немного: богатые родители, богатый любовник, хорошие заработки... Последняя версия выглядела чересчур фантастичной.

Солнечный луч из окна дополз до моей щеки. Я уже подумывал было подняться, когда на пороге появилась Инна. Сейчас она была не просто хорошенькой, а красивой. Брови вразлет, яркие полные губы, строгий деловой костюм из серой шерсти, который подчеркивал все достоинства ее фигуры.

– Мне пора на работу, – улыбнулась она. – Отдыхай. К вечеру я приеду.

– Ты обещала мне карточку-проездной, – напомнил я. – Мне нужно кое-куда съездить. И еще – как мне вернуться? Договоримся на определенное время, или мне ждать тебя у подъезда?

Инна достала из сумочки пластиковую карточку и связку ключей, которые, собственно, тоже представляли собой карточки разных размеров и форм, и бросила их на кровать.

– Мне бы не хотелось, чтобы ты куда-то ездил сегодня. Но если нужно – действуй. Я не вправе тебе указывать. На карточке – сто рублей. Это четверть моей зарплаты в институте. Как пользоваться карточкой, разберешься.

– Спасибо, – кивнул я.

Девушка ушла, а я устремился в гостиную, к телевизору. Компьютер быстро сообщил мне, каким образом пользоваться кредиткой и получать информацию о том, сколько денег на ней осталось.

Неименную кредитную карточку – а Инна дала мне как раз такую – можно было «подзаряжать» деньгами. И рассчитываться с ее помощью почти за все. Даже в «пульте дистанционного управления» компьютером-телевизором обнаружилась щель, куда можно было засунуть любую кредитку и оплатить большинство услуг. Но большей популярностью пользовались именнные кредитки – ими не мог воспользоваться никто посторонний. Да и идентификатор открывал доступ к счету в государственном банке. Но условия пользования этим счетом были жесткими, и счета на идентификаторах использовались редко, в экстренных случаях.

С помощью компьютерной сети или по телефону, что, в общем-то, было одно и то же, прямо домой можно было заказать практически любую вещь: продукты, одежду, мебель, технику, цветы. Для мелких вещей рядом с дверью был вмонтирован приемный короб – чтобы не отвлекаться, открывая курьеру.

Мне сразу же захотелось заказать Инне цветы. Но по трезвом размышлении я решил этого не делать.

Конечно, ласка и внимание приятны даже кошке. Только вот покупать девушке цветы за ее же деньги... Возможно, я не тяну на рыцаря, но и альфонсом никогда не был. Вот съезжу за деньгами, обещанными мне неизвестным доброжелателем, тогда и будем думать о подарках.

Компьютер выдал мне и информацию о том, как управлять режимами бассейна. Нужно было всего лишь произносить в «свисток» ключевые слова, активирующие разные голограммы. А скачивались они из Интернета. Или моделировались на компьютере с помощью специальных сервисных программ.

Я пошел и искупался в бассейне – зачем отказывать себе в небольшом удовольствии? Создал небольшую голограмму: озеро на дне пещерного грота, ледяные сталактиты и сталагмиты вокруг. Наскоро позавтракал, оделся, вышел из квартиры и, небрежно поглядывая по сторонам, отправился к метро. У меня не было с собой идентификатора, но я не собирался шарахаться от людей. Чем естественнее ты себя ведешь, тем меньше вероятность привлечь внимание представителей правоохранительных и карающих органов.

* * *

Поездки в метро не так уж сильно отличались от прежних, пятьдесят лет назад. Когда я спускался сюда вместе с Инной, было, откровенно говоря, не до того, чтобы глазеть по сторонам. Сейчас я мог осмотреться. Народу прибавилось, и публика попадалась весьма странная. Я имею в виду одежду, то, что люди с собой тащили и как они себя вели.

В вагонах встречалось очень много пожилых людей и стариков. Пожалуй, дело не в том, что всем им срочно куда-то пришлось ехать. Общество постарело. Рождаемость, как и предполагали демографы, снизилась. Благодаря достижениям медицины люди стали жить дольше. Поэтому бодрые старички доминировали в общественном транспорте. Ну и, наверное, у них все же имелось больше свободного времени.

Вместо разовых и долговременных карточек для расчетов при входе в метро использовались универсальные кредитки. Как в добрые старые времена, проезд стоил копейки. Правда, не пять, а пятнадцать.

С двумя пересадками я добрался до станции, на которой покупал фрукты перед днем рождения двоюродного брата. Метро «Алексеевская» – я едва не забыл само название, но хорошо помнил линию и расстояние от кольцевой.

Конечно, пейзаж вокруг изменился. Исчезли лотки, появилось несколько новых стеклянных магазинчиков. А вот планировка станции, на мое счастье, осталась прежней.

Урн вокруг оказалось порядочно. Но уж если следовать некой абсурдной логике, в прошлый раз я уделил внимание одной из них – выбросил туда коробку из-под сока. Запомнилось мне это потому, что тогда урн было не так уж много, и эту пришлось искать. Не люблю мусорить на улицах!

Урна стояла в нише, образованной стенами станции и соседнего магазина – древней, уставшей постройки. Она была переполнена. Вокруг бежало по своим делам порядочно народа.

Казалось бы, чего проще – опрокинуть урну, забрать из-под нее обещанную карточку, да и идти восвояси... Но что-то мешало мне это сделать. С минуту я торчал на виду, разглядывая голую стену. Потом наконец решился, подошел к урне, аккуратно высыпал ее содержимое на землю. Перевернул стальной контейнер и увидел прикрепленный к дну конверт из плотной коричневой бумаги.

Поспешно оторвав конверт от дна урны, я открыл его. В нем обнаружились две карточки и еще один конверт – поменьше. Одна карточка была расчетной, но не такой, как дала мне Инна, а с золотой полоской по краю. Другая, со сложным орнаментом, весьма походила на пресловутый идентификатор. Конверт я сунул в карман джинсов, а карточки собирался положить в карман рубашки, когда меня твердо взяли за руку.

Сердце едва не выпрыгнуло из груди. Я обернулся. Сзади стоял полицейский, а за его спиной – еще один. Они с интересом наблюдали за тем, как я замер над мусорной кучей, которую сам же и устроил.

– Какие-то проблемы, гражданин? – подозрительно спросил полицейский.

– Зачем вы опрокинули урну? – строго спросил другой.

– Мы давно за вами наблюдаем, – объявил первый. – Что вы здесь ищете?

Сбить с ног первого, бежать, игнорируя второго? Оружия у них вроде бы не было... Но куда я убегу? Да и зачем бежать?

– Ваш идентификатор! – потребовал между тем державший меня полицейский.

С замиранием сердца я протянул ему карточку. Хорошо, если будет девичья – скажу, что случайно поменялся с женой. Впрочем, в противном случае придумаю каких-то других родственников.

Офицер взял кусочек пластика, сунул в устройство наподобие того, что я уже видел у полицейских на станции. И на миниатюрном дисплее я вдруг увидел свою фотографию и колонки цифр сбоку от нее.

– Зачем вы опрокинули урну, гражданин Карку-нов? – строго спросил полицейский, возвращая мне идентификатор.

– Если вы наблюдали за мной, должны были видеть. Я выбросил туда жвачку, а вместе с ней полетела кредитная карточка. Что же мне, оставлять ее в мусоре?

Полицейские переглянулись.

– Большинство граждан так бы и сделали. А меньшинство сплюнуло бы жвачку прямо на асфальт. Карточка ведь защищенная? Проще выписать новую...

– Мне – не прощ, – сурово ответил я.

– Но обойдется дороже, – не менее сурово ответил полицейский. – За нарушение чистоты улиц мы штрафуем вас на пять рублей. Выписать новую карточку обошлось бы в два раза дешевле. Нужно держать себя в руках, гражданин! Уронили карточку. Обидно, я понимаю. Но зачем же высыпать из урны весь мусор!

Я решил не усугублять конфликт и протянул карточку с золотой полоской.

– Извините. Погорячился.

– Ого! – присвистнул второй полицейский, выглядывая из-за плеча первого. – Такую действительно жаль терять...

– Это не освобождает его от ответственности, – хмыкнул первый. – Мусор ведь рассыпан! Введите код своей рукой, – предложил он мне, протягивая свою машинку. – Я штрафую вас на пять рублей.

– Если бы я его помнил, – вздохнул я.

Лица полицейских вытянулись. Я решил, что напрасно решил откровенничать со стражами порядка. И ввел цифру: 250486. Приборчик тонко пискнул, полицейские стали еще внимательнее. Второй даже положил руку на шоковую дубинку. А я понял, что памятную мне дату, о которой неведомым образом сообщил мне неизвестный доброжелатель, нужно вводить полностью. И набрал 25048619. Приборчик свистнул, огоньки на нем вспыхнули и погасли.

– Мы уже думали, что карточка краденая, гражданин Каркунов, – простодушно сообщил первый полицейский. – Или что вы полезли в урну за чужой.

Не преступно, но и не похвально. Не выбрасывайте больше кредитки. Разоритесь.

Полицейские пошли высматривать следующую жертву, а я вытер рукавом обильно выступивший на лбу пот. Едва не попался. Но откуда здесь взялся идентификатор на мое имя с моей фотографией? Кто и когда мог его сделать? Или он принадлежал мне прежде?

* * *

В квартиру Инны я вернулся без приключений. Не стал ничего покупать на улице. Не пошел в театр и в кино, несмотря на навязчивую рекламу. Не поддался на уговоры посетить распродажу. Я слишком плохо ориентировался в сегодняшней жизни.

Впрочем, уже приехав на нужную станцию, я решил проверить одну операцию.

Разумно было предположить, что фамилия Каркунов на карточке – не настоящая. Но эта фамилия послужит мне верой и правдой в дальнейшем. Как я надеялся, она «не засвечена». «Засветиться» она успела в одном месте – у полицейских, рядом с карточкой с золотой полосой, к которой стражи порядка проявили должное уважение.

Если теперь я буду использовать эту карточку на терминале в квартире Инны, то есть вероятность, что, выйдя на нее, вычислят и меня. Узнают мою нынешнюю фамилию, подадут в розыск – и прощай, «чистый» идентификатор! Поэтому, возвращаясь «домой», я подошел к банкомату (на улицах их сейчас стояло не в пример больше, чем в свое время – обменных пунктов), и проверил наличность на «золотой» карточке. Результат впечатлял. Там лежало тридцать тысяч рублей! А рубль сейчас был гораздо «тяжелее» доллара.

В банкомате я заказал три безличные карточки по двести рублей (услуга стоила пятьдесят копеек). Переводить деньги на счет Инны, компенсируя те деньги, что я проездил на метро, не стал. Мелочность в таких вопросах никому не нужна и может даже обидеть человека.

Конечно, существовала вероятность, что безличную карточку тоже можно вычислить. В том смысле, что банкомат выдаст информацию, с какой карточки переводился платеж за нее. Но я надеялся, что хотя бы немного замел следы.

Электронными ключами, что дала мне Инна, я открыл дверь в подъезд. Поднялся по лестнице, а не на лифте, как мы сделали в прошлый раз, вошел в квартиру. Хозяйка еще не вернулась. Я вновь уселся за компьютер. Или перед телевизором – кто разберет?

Используя безличную карточку, я произвел массовые закупки. Купил еды, безалкогольных напитков, бутылку коньяка и бутылку вина, заказал букет голландских роз (его голографическое изображение меня весьма впечатлило) и фигурные свечи для ужина.

В ценах я ориентировался не очень хорошо. Хотя и ясно было, что рубль – это много, пожалуй, больше, чем доллар в то время, которое я помнил, дорого ли было заплатить десять рублей за букет? Возможно... Но деньги имелись, хотя происхождение их было весьма туманным.

Инна говорила, что сто рублей – четверть ее заработка. И еще говорила, что зарабатывает она неплохо. Стало быть, четыреста рублей получает высококлассный специалист. Ну, пусть пятьсот. В год – шесть тысяч. Для того, чтобы заработать тридцать тысяч, он должен работать пять лет, не тратя ни копейки. Мне досталось целое состояние. Кто выступил спонсором?

За всеми волнениями, тревогами, общением с полицией и приятными хлопотами с покупками я совсем забыл о письме, что положил в задний карман джинсов. Смешно будет, если оно потерялось в метро! Или если его вытащили, решив, что у меня там деньги. Хотя были ли сейчас деньги в их обычном понимании?

Достав мятое письмо из кармана, я разорвал конверт и вытащил из него желтоватый лист бумаги.

«Евгений!

Передаю тебе идентификатор и деньги. Надеюсь, ты мне поможешь в одном деле. Я связан условиями контракта и не хочу их нарушать. Мне предложили сделать нечто противозаконное, но сообщать об этом властям я не хочу и не буду. Тебя также прошу этого не делать.

Выясни все, что сможешь, о термоядерной электроцентрали (ГигаТЭЦ) на Печоре. Что она значит для страны, в чем заключается интерес Америки, каковы могут быть последствия термоядерного взрыва (реально, а не по заявленным данным).

И постарайся подольше не попадаться властям. Если сумеешь разгромить «Институт К», буду тебе признателен. Но вряд ли это получится в одиночку – займемся им позже.

Отслеживай ситуацию в стране. Постарайся взломать сервер ГигаТЭЦ (независимых хакеров найдешь сам). В случае необходимости сбрасывай мне информацию на телефон 125-315-321. Оставь номер для связи с тобой».

Подписи не было. Почерк подозрительно напоминал мой. Впрочем, у меня такой плохой почерк, что любой другой плохой без ярко выраженных особенностей довольно похож на мой. Может быть, я написал это письмо сам. Для себя. Но зачем я тогда темнил?

Пока я читал письмо, по телевизору шли последние новости. Опять войны, опять теракты. Несколько катастроф. Теория Гроссмана относительно роли средств массовой информации в формировании цивилизации зрителей находила на современном телевидении яркое подтверждение.

Вдруг трансляция прервалась и на экране появилась Инна. В том самом сером костюме, в котором она вышла сегодня из дома. Видно было только лицо и шею, но воротничок-стойку я сразу узнал.

В первую секунду я испытал настоящий ужас. Что случилось? Как девушка попала в новости? Или она в розыске? Или с ней случилось что-то по-настоящему жуткое, о чем необходимо сообщить на весь мир?

– Привет! – улыбнулась Инна, глядя прямо мне в глаза.

«Она ведущая шоу», – подумал я.

– Что молчишь? – еще шире улыбнулась девушка. – Ты меня не слышишь? Евгений!

– Я?

– Конечно, ты! Я иду домой! Буду минут через двадцать.

– Ты звонишь мне по телефону! – понял я.

– Конечно, – слегка удивилась девушка. – Телефон напрямую подключен к главному домашнему компьютеру. Камера – над экраном. Я прекрасно тебя вижу и слышу. А что, в твоё время телефонов ещё не было?

– Были. Немного не такие, – тихо ответил я.

* * *

В коробе возле двери лежали почти все продукты и вещи, которые я заказал. Прекрасный букет роз – в картонной коробке, чтобы не помялся. С ним я дождался Инну в прихожей. Похоже, от цветов она была в восторге.

– Мне ни разу не дарили таких букетов, – зачем-то прошептала она мне на ухо.

«Зато я дарил не раз», – подумал я, но вслух сказал совсем другое:

– Ты гораздо красивее, чем эти розы.

Не звучало ли это высокопарно? Возможно... Но я действительно так думал в тот момент. А кто считает иначе, пусть найдет розу красивее, чем женщина. Или женщину красивее, чем роза. И лишний раз убедится в относительности понятия красоты.

Вместе с Инной мы приготовили ужин. Я пожарил яичницу с сыром и помидорами, Инна заварила настоящий листовой чай. Когда я стоял у плиты, девушка бросала на меня странные взгляды. Наверное, теперь все пользовались замороженными, уже приготовленными продуктами. А мужчины не могли разогреть даже их.

– Мне бы хотелось пригласить тебя в ресторан, но я не знаю, что сейчас модно, – улыбнулся я, снимая сковороду с электроплиты. – Да и не уверен, что все приготовят так, как нужно.

– И из дома выходить не хочется, – хихикнула девушка. – Ты, наверное, так и просидел перед телевизором весь день?

– Деньгами я разжился. Вот твоя карточка, и в компенсацию долга хотел бы тебе кое-что предложить...

– Никаких компенсаций! – строго заявила Инна, взяв свою карточку и отталкивая другую, на предъявителя. – Я виновата перед тобой гораздо сильнее. Деньгами морального ущерба не исправить, но все же...

– В чем же ты виновата? – заинтересовался я.

– В том, что участвовала в проекте... Согласилась опекать тебя...

– Лучше было бы бросить?

Хозяйка хотела что-то сказать, осеклась, мило улыбнулась и предложила:

– Но мы могли бы пойти в какой-нибудь ночной клуб. Позже.

– В каком проекте ты участвовала? – все же переспросил я.

– О котором я тебе никогда не расскажу. От меня ты о нем ничего не узнаешь.

Инна взяла меня за руку, и спорить сразу расхотелось.

– Ты заказал какой-то редкий напиток? Наливай.

Я плеснул в бокалы коньяка. Коньяк сейчас, наверное, и правда редкость. Бутылка обошлась в девяносто рублей. Но зато он был настоящим – не водочной настойкой. Маслянистая влага со стенок бокала сползала медленно, красиво...

Девушка с интересом понюхала, смело отхлебнула, сильно закашлялась.

– Что это? – сквозь слезы спросила она.

– Коньяк. Ты что, никогда его не пила?

Сейчас ещё выяснится, что я спаиваю малолетних. Может быть, у них напитки крепче девяти градусов положены только гражданам за сорок?

– Не доводилось. Я до сих пор вращалась в приличном обществе...

Это что, намек? Инна, видно, сама поняла, что сказала что-то не то, и с испуганной миной погладила меня по плечу:

– Не хотела сказать ничего плохого...

– Да нет, ничего. Мне, наоборот, приходилось бывать в очень разных компаниях. Но коньяк у нас пили люди высшего света.

– У нас, у вас, – вздохнула Инна. – Давай не противопоставлять... Мне кажется, ты сможешь жить здесь. А вот я слишком привыкла к удобствам, безопасности...

– Кстати об удобствах, – воспользовавшись случаем, перешел я к интересующей меня теме. – Сейчас все живут в таких квартирах? Имеют собственные бассейны, столовые, телевизоры во всю стену, неограниченный доступ в Интернет?

Инна задумчиво вертела в пальцах свой бокал, в котором маслянисто поблескивали, переливаясь по стенкам, остатки коньяка.

– Вопрос сложный, на него однозначно не ответишь. Квартиры имеют, конечно, не все. Жилплощадь, особенно близко от центра, в большом дефиците. Квартира моя принадлежит отцу, он преуспевающий нейрохирург, много зарабатывает. Сами они с мамой живут сейчас в Германии. Соответственно, и столовую имеют не все – большинство питается по-простому, на кухне. Как и я в детстве – мы не всегда жили богато, отец всего добивался сам. Бассейн может купить почти каждый, кто работает в приличной фирме. Вопрос лишь в том, куда его установить. Была бы площадь – а бассейн не проблема. Ну а телевизор во всю стену стоит копейки и есть почти у каждого. Как и доступ в Сеть. Только доступ бывает разного уровня.

– А можно сейчас снять квартиру? Небольшую, чтобы тебя не стеснять?

Девушка вздрогнула и посмотрела на меня так, будто я ее серьезно обидел.

– Ты хочешь уехать?

– Не то чтобы хочу... Но не могу же я все время жить у тебя!

– Вот как? – Лицо Инны стало холодным. – Поступай как тебе захочется, имеешь право. Пользуйся всем, чем хочешь. Чувствуй себя как дома.

Произнеся эту тираду, Инна резко встала и скрылась у себя в комнате. Я растерянно посмотрел ей вслед. Что я сделал не так? Сказал, что хочу съехать? Но разве это обидно? Или ее смутило что-то другое?

* * *

Всю ночь я просидел у компьютера. Не так-то просто найти удобное, во всем подходящее жилье даже в век победивших информационных технологий. В одном месте жилье сдавали очень странные хозяева. В другом владельцы предлагали жалкую лачугу с маломощным компьютером и ограниченным доступом в Сеть. Третьим владельцам недвижимости нужны были безупречные рекомендации – а откуда бы я их взял? Четвертые предоставляли все, что угодно, но требовали таких денег, что даже с моими тридцатью тысячами я крепко задумывался, стоит ли идти на столь крупные траты.

Пожалуй, тот, кто передал мне деньги, надеялся на более разумное их вложение. К тому же я не слишком хорошо ориентировался в современной жизни. Скажем, объявление «квартира с пансионом и милой хозяйкой» за сто рублей в день, по-моему, представляла собой своеобразный санаторий для мужчин, уставших от службы в столице и от жены. Впрочем, я мог и ошибаться.

К полуночи я нашел двухкомнатную лачужку с душем, кухней и «отличной линией связи с Интернетом». Располагалась она где-то на выселках: километров сто по Ленинградскому шоссе от кольцевой автодороги. И просили за нее по-прежнему умеренно: двести рублей в месяц. Вперед – за три месяца.

С помощью дистанционных камер я осмотрел жилье, перечислил сторублевый задаток в риэлторскую контору, сняв деньги со своей безличной карточки на предъявителя, и пошел спать. Было мне довольно грустно, хотелось ласки и утешения... Поэтому ничего предосудительного в том, чтобы постучаться в спальню хозяйки, я не увидел. И постучался.

Надо ли говорить, что Инна мне не открыла? И правильно, в общем-то, сделала... Тем более странной показалась мне утренняя сцена.

Хлопнула одна дверь, другая, и меня стали резко встряхивать, ухватив за плечо. Я открыл глаза. Представшая передо мной картина оказалась настолько соблазнительной, что спать сразу расхотелось. Моя хозяйка в полурасстегнутом пеньюаре, босая, сразу видно – только что из постели, хватала меня обеими руками – руки были мягкими и горячими – трясла и жарко шептала: «Да просыпайся ты наконец!»

Но только я хотел обнять такую приятную и доступную девушку, к тому же неожиданно всплывшую ко мне горячими чувствами, как она выскользнула у меня из рук и заявила:

– Только что кто-то вошел в подъезд, воспользовавшись служебным магнитным ключом.

А у дома стоят две подозрительные машины.

– Пришли за мной? – коротко спросил я.

– Скорее всего.

– Уходим, – сказал я. – Попытаемся прорваться.

– Постарайся уйти ты. Я останусь и задержу их.

– У тебя будут неприятности.

– Если тебя не поймают – нет. Я или буду отрицать, что ты вообще у меня появлялся, или скажу, что ты заставил меня помочь. Но они наверняка у входной двери! Как ты уйдешь? Вверх по лестнице не получится – ты не выйдешь из квартиры. Сейчас я посмотрю информацию с внешней камеры слежения...

– Не надо. Как-нибудь уйду! – уверенно заявил я, хотя настоящей уверенности не испытывал.

Подхватил с пола пакет со своими вещами, сгреб со стула брюки и рубашку, которые снял перед сном, кинул в пакет туфли. Хорошо, что мне часто приходилось вести кочевую жизнь и я привык держать одежду в сумках, а не в шкафах, как изнеженные комфортом путешественники!

В это время раздался гулкий сигнал гонга. Наверное, так у Инны звучал звонок. Но обычно, по всей видимости, звонили с улицы. А сейчас, как я знал благодаря девушке, незваные гости дежурили под дверью в квартиру.

– Ты не успеешь! С ними нельзя драться, они вооружены!

– Иди и открой дверь. Поговори буквально десять секунд – мне их хватит. Ну, конечно, открывай в том случае, если это не бандиты, а представители власти, – предупредил я. – Свяжусь с тобой позже.

Глупо драться с вооруженными представителями спецслужб. Положим, я их не очень боялся, но не стоит и надеяться, что одолеешь нескольких профессионалов, готовых к драке и вооруженных, когда на тебе только трусы, а в руках ты держишь пакет с одеждой.

Вместо этого я помчался в бассейн. Некоторые могли бы, наверное, задержать дыхание и переждать опасность в теплой дружелюбной воде². Но мне почему-то казалось, что пришедшие сюда ребята обыщут все – в том числе и спустят воду из бассейна. Поэтому я на ходу снял с гвоздика пульт управления голографическими образами и приказал домашнему компьютеру синтезировать изображение, максимально приближенное к реальному положению вещей в бассейне. Такая голограмма нужна была мне лишь для того, чтобы замаскировать окно.

² Как сделал это «человек с Марса» Смит – герой романа Р. Хайнлайна «Чужак в чужом краю».

Вместе с пакетом, в котором лежала одежда, я прыгнул в воду, быстро достиг противоположной стены, вылез на бортик и на ощупь нашел небольшое зачерненное окно. Открыл щеколды и распахнул его. Иллюзия на мгновение была нарушена, но очень скоро компьютер компенсировал лишнее освещение.

Третий этаж – это, к счастью, не очень высоко, хотя и не очень низко. Прямо под домом проходила асфальтовая дорожка, чуть дальше располагалась поросшая редкой травкой клумба. Не слишком раздумывая, я выбросил на клумбу пакет с вещами, влез на подоконник, кое-как прикрыл за собой окно, выдохнул и прыгнул сам.

Летел долго, осматриваясь по сторонам. Похоже, с этой стороны дом не охраняли. Приземлился не очень хорошо. В ноге что-то хрустнуло, появилась резкая и сильная боль. Я невольно вскрикнул. Но нога оставалась в рабочем состоянии. Оглянувшись на полуоткрытое окошко, я отметил, что в глаза оно не бросается. На дворе – лето.

Вот и на первом этаже, немного левее от того места, где я приземлился, было распахнуто огромное окно. В комнате сидела девчонка лет пятнадцати и расчесывала длинные светлые волосы. Точнее, расчесывала она их до этого, а сейчас смотрела на меня и хохотала во весь голос. Под ее взглядом я почувствовал себя самым настоящим гладиатором – в трактовке Гроссмана, естественно.

– Муж пришел не вовремя, – зачем-то соврал я.

– Так иди ко мне, – предложила девчонка. – Родители на работу ушли.

Сказала просто, будто бы пригласила выпить чаю. Казалось бы, это ей нужно было стесняться, но почему-то я почувствовал, что краснею.

– Спасибо. Может быть, в другой раз?

– Все хорошо вовремя, – нагло улыбнулась девица. – И когда муж приходит, и когда родители уходят.

Конечно, скрыться у гостеприимной девушки под самым носом полиции было заманчиво. И, может быть, даже безопаснее. Но если они все же поймут, что к чему... Лучше уходить.

– Пока, – с самым независимым видом я помахал девчонке.

– Пока. Парашют купи – пригодится.

– Подумаю, – пообещал я.

И удалился в глубь квартала, нагло помахивая пакетом. Мало ли, может, я спортсмен. Надевать джинсы на мокрые трусы было глупо. С большим мокрым пятном на брюках я привлекал бы гораздо больше внимания.

* * *

До полудня я гулял по городу, заметал следы. Оделся в парке под кустом, когда рядом не было людей. Потом пообедал в маленькой забегаловке. Народ там собрался крайне невоспитанный. Чавкали, орали, толкали друг друга, роняли куски на пол. Но приличных мест я здесь не знал – выбирать не приходилось.

Подкрепившись, съездил в центр. Останавливаться где-то долго я не решался. Особенно, когда расплачивался. Может быть, они вычислили меня по расчетной карточке...

В одном из салонов связи я приобрел видеотелефон. Самый дешевый, который у них был. Ежику известно, что по мобильному телефону его владелец вычисляется с точностью до нескольких метров. Поэтому использовать телефон я не спешил. Купил, выключил и положил в карман. А после зашел в телефонную будку и позвонил Инне.

Гудки в динамике, полосы на экране. И вдруг я увидел свою спасительницу, сидевшую на диване перец телевизором. Больше в комнате никого не было. Инна выглядела уставшей, но довольной.

– Так и думала, что ты позвонишь. Мне приятно, но ты ведешь себя глупо. За моей квартирой наверняка следят и записывают звонки, – сообщила девушка скороговоркой. – Сейчас они вычисляют место, откуда ты вышел на связь. Надеюсь, не из квартиры?

– Из автомата, – так же быстро ответил я. – Хочу лишь узнать, все ли у тебя в порядке?

– Почти, – усмехнулась Инна. – Предъявить мне нечего, но на работе будут сложности. Впрочем, это все ерунда. Отец разберется. Уезжай куда-нибудь подальше.

– Поеду в Ростов, – тут же заявил я, хотя в Ростов и не собирался. – На родину. Буду время от времени звонить.

– Пользуйся сообщениями. И оставь номер своего ящика на каком-нибудь сервере – я пришлю тебе письмо. Иначе тебя вычислят. Отбой.

Изображение померкло. Девушка заботилась о том, чтобы меня не поймали. Или делала вид, что заботится, а на самом деле хотела поймать меня наверняка. Впрочем, зачем подозревать человека, который до сих пор делал для тебя только добро? Скрываясь от полиции, невольно становишься параноиком.

Я поспешно вышел из будки и смешался с толпой прохожих. Любопытно было бы остаться неподалеку и посмотреть, как быстро к будке прибует отряд полицейских или представителей спецслужб. Но этот интересный опыт все же не стоил риска быть пойманным.

Из будки банкомата неподалеку от того места, где звонил, я завел себе платный почтовый ящик, как обещала реклама, «без какой-либо возможности контроля корреспонденции со стороны частных лиц и государства». Из следующего автомата опять позвонил Инне.

– Прекрати! Тебя точно вычислят! – разъярилась девушка. В гневе она стала еще симпатичнее.

– Никогда прежде не пользовался видеотелефоном. Здорово, – заявил я. – Напиши мне, как все было. Кто и что от меня хотел.

– Хорошо. – Инна кивнула, бегло глядя на номер моего почтового ящика, который я ввел с клавиатуры. Естественно, после моего звонка он остался в памяти ее компьютера. – Теперь все сообщения – только через ящик. Не звони напрямую.

И вновь оборвала связь.

После всех звонков и покупки телефона на карточке оставалось семьдесят рублей. На все деньги я заказал цветов и послал верной подруге. После чего карточку выбросил. В новом месте нужно будет платить с чистых счетов.

* * *

Монорельсовая дорога уже не была мне в новинку, но путешествовать по ней и на этот раз оказалось не слишком приятно. Наверное, к таким средствам передвижения, как и к автобусу, нужно привыкать с детства.

Следуя инструкциям, получаемым через навигационную систему купленного телефона, я благополучно добрался до поселка Мишкино, где заказывал квартиру. Здесь существовал филиал конторы, в котором также можно было снять жилье. Не по Интернету, а «в реальном времени». Собственно, почти весь поселок состоял из сдаваемых поквартирно домов. Как мне объяснил клерк, располагая средствами, можно снять и трехэтажный коттедж, и небольшой, но уютный домик с садом, и квартиру в несколько комнат, и даже койку в общежитии. Разница только в цене.

Поселок выглядел очень даже удобным. Масса кафе и баров на первых этажах и в подвалах домов, магазины, небольшое казино, пункт проката электромобилей. Хватало и телефонных будок. Глупо общаться со своим почтовым ящиком из снятой квартиры – несмотря на заверения фирмы, предоставляющей этот ящик, не исключено, что через него на меня все же смогут выйти.

Используя «золотую карту», я создал еще несколько расчетных карточек – уже по пятьдесят рублей, дабы не сорить деньгами и расставаться с недоиспользованными карточками без сожаления. Причем все карточки я оформил с разных терминалов. При желании их можно будет вычислить, но не стоит облегчать спецслужбам их работу.

Используя новую карту, я связался со своим почтовым ящиком. Там меня ожидало целых два послания. Я перекачал их в буфер мобильного телефона и пошел домой. В квартиру, электронный ключ от которой выдал мне клерк.

Квартирка по сравнению с жильем Инны выглядела не блестяще. Но маленькая, да своя. А компьютер ничем не уступал тому, с которым я уже имел дело.

Осмотрев все углы и заказав пиццу на ужин, я подключил телефон к компьютеру.

– Проверить файлы на предмет наличия вирусов? – осведомилась система.

– Естественно, – ответил я.

Прошло минуты две. Я уже начал недоумевать, почему мощная машина возится с файлами так долго. Но, пожалуй, ничего удивительного в этом не было. Совершенствовалась не только техника, но и вирусы.

– В обоих файлах найдены вирусы, – сообщил компьютер. – Они были тщательно закодированы и замаскированы.

– Какого характера эти вирусы? – поинтересовался я.

– Подпрограммы должны были сообщить ваш истинный адрес, когда вы запустили бы режим просмотра. Сейчас они уничтожены, и вашей безопасности ничто не угрожает. Спасибо, что воспользовались программой нашей лаборатории! Сейчас редко кто по-настоящему заботится о безопасности своей машины. Неразрушительные вирусы чувствуют себя в сетях вольготно!

Я едва не засмеялся, слушая поучительную болтовню компьютера. Однако же молодец! Не оплошал!

Открыв файлы, я обнаружил, что один из них – письмо от Инны. Другой был документом, подписанным довольно громко: «Федеральное правительство».

Вполне понятно, что именно правительство, точнее, те, кто так представлялся, засунули вирус в свое письмо. А письмо Инны? Или девушка на самом деле вела двойную игру, или ее домашний компьютер находился под строгим контролем. Что ж, будем иметь в виду.

Послание правительства оказалось обычным текстовым файлом. Оно гласило:

«Уважаемый гражданин Евгений Воронов!

Убедительно просим вас вернуться в «Институт К», откуда вы были похищены либо же ушли. Современный мир опасен для вас, вы можете попасть в самые разные неприятные ситуации.

В институте вам абсолютно ничего не угрожает. Вы пользуетесь всеми правами гражданина, на вашей стороне Конституция и Закон. Правительство намерено предложить вам отличную высокооплачиваемую работу, которую никто, кроме вас, выполнить не может.

Все, кто оказал вам содействие при побеге, в случае вашего добровольного возвращения будут амнистированы. Вы не будете ни в чем нуждаться до конца дней.

Настоятельно советуем принять наше предложение. Отказ от сотрудничества может привести к серьезным недоразумениям.

Полномочный инспектор правительства Матвеев».

Некоторые предложения, конечно, должны были звучать заманчиво. Но в целом письмо выглядело корявым. Что это за обращение: «гражданин Евгений Воронов»? Что за скрытые и явные угрозы? Да и зачем вкладывать в письмо доброй воли разные нехорошие вирусы? Нечестно играете, господа! «Не будете ни в чем нуждаться до конца дней...» А долго ли придется ждать этого конца? Да и вообще – настоящее гособеспечение только в тюрьме!

К тому же, если я действительно «свободный гражданин», что значит слово «побег»? Выходит, меня все-таки сторожили? Да и гипотетический господин Матвеев – есть ли действительно такой чиновник? Можно было проверить, но я решил не искушать судьбу. Может быть, запросы по этому поводу тщательно отслеживаются. По крайней мере я бы догадался их отслеживать. Ребята из местных спецслужб, скорее всего, не глупее.

Покончив с неприятными делами, я открыл письмо от Инны. Этот файл был большим и содержал преимущественно видеоинформацию.

На экране появилась Инна – на этот раз в деловом костюме, накрашенная. Видно, готовилась к записи. Она прищурилась, глядя в камеру, и заговорила:

– Не знаю, будет ли тебе интересно то, что я посылаю, или ты спросил о моих делах из вежливости. Сначала я обиделась на тебя за то, что ты хочешь уехать, но последние события показали – ты был прав. Кстати, при случае расскажи мне, как ты узнал мой адрес. Я думала, в городе трудно кого-то выследить, особенно без спецсредств.

Девушка многозначительно посмотрела в камеру, откашлялась.

– Впрочем, у меня почти все в порядке. Высылаю тебе запись камер слежения за квартирой. Все они работали для того, чтобы в случае нарушения закона со стороны представителей правительства я могла обратиться к своему адвокату. Насколько я понимаю, они ничего не нарушили.

Здорово! Значит, мне еще предстоит посмотреть фильм о работе тех, кто меня ищет. Очень познавательно!

И Инна молодец – ненавязчиво намекнула, что я заявился к ней случайно, по собственной инициативе. Сказала и для полиции, и для меня. Так сказать, в порядке информации.

– В общем, смотри, – продолжила девушка. – Если нужно.

Следующий файл шел отдельно. Я устроился поудобнее и запустил самодельное документальное кино о том, как меня ловили.

* * *

Инна подошла к двери, надевая по дороге халат. Открывать она не слишком торопилась.

В двери не было глазка, но над входом висел маленький экранчик, позволявший увидеть тех, кто стоял на лестничной клетке. Звонки с улицы принимала домашняя компьютерная система, показывавшая вызов и на кухне, и в столовой, и в гостиной, а также, наверное, в спальне хозяйки. Однако же обычно гостей встречают около двери, а как убедиться в том, что перед дверью – именно те, что звонили недавно от входа в подъезд? Всякое бывает...

– Кто там? – будто бы ни о чем не подозревая, спросила девушка.

– Федеральная служба безопасности. Откройте, гражданка!

– У вас есть ордер?

– Мы уже передали его копию на ваш компьютер. Почему вы не открываете?

– Сейчас я сделаю запрос, – пообещала Инна. – Мне нужно выйти в гостиную, чтобы обратиться к своему компьютеру.

– Откройте немедленно! – приказал другой, очень властный голос. – Или мы взломаем дверь!

– Я должна проверить, кто вы такие, – спокойно заявила девушка. – И связаться с вашим начальством, чтобы они подтвердили ордер.

– Я и есть начальство! – заявил властный голос. – Ломайте дверь, ребята! Гражданка, отойдите в сторону, если не хотите, чтобы вас непреднамеренно травмировали!

Инна сделала шаг в сторону, и дверь с шумом распахнулась. Компьютер выполнил приказ, подтвержденный службой охраны дома, а маленькую механическую задвижку «гости» сло-

мали. Хорошо, что дверь не была заперта на основную щеколду. Тогда бы они, наверное, разворотили всю стену.

В коридор ворвались двое спецназовцев в тяжелых бронежилетах, с короткими автоматами наперевес. Следом за ними вошел темноволосый, коротко стриженный мужчина. Под рубашкой с коротким рукавом явственно угадывался бронежилет.

– Где ваш гость? – громко и требовательно спросил он.

– О ком вы?

– О гражданине Воронове, которого вы прячете у себя. Скажите, где он. Не вынуждайте нас проводить обыск.

Инна на мгновение задумалась.

– А почему вы решили, что он у меня? – спросила она с улыбкой.

– Мы исследовали запросы, исходящие с вашего компьютера. Они показались нам странными. К тому же вы неосмотрительно купили мужские плавки. И четко указали размер – он совпадает с размером гражданина, которого мы ищем.

Инна тихо засмеялась:

– С кем имею честь? Вы так и не представились...

– Полковник Мизерный.

– По вашему мнению, полковник, я не могу познакомиться с мужчиной? Привести его домой? Купить ему в подарок плавки, в конце концов? У меня хороший бассейн... Плавки нужного размера... Надо же такое придумать! Неужели покупка мужских плавков одинокой девушкой – преступление? Или это предосудительно? А вы – из полиции нравов?

– С вашего компьютера поступали запросы относительно господина Воронова, – не отреагировав на заявления хозяйки, продолжил полковник.

– Мне было любопытно узнать что-то о нашем пациенте... Он – интересная личность.

– Прекратите тянуть время! Воронов у вас?

– Конечно нет, – усмехнулась Инна. – Проверьте, гражданин полковник.

– Обыскать все, – приказал Мизерный, и еще несколько ребят в форме ворвались в квартиру и рассыпались по комнатам. Обувь они, конечно, не снимали, и скоро сверкающий, натертый автоматическим уборщиком пол выглядел словно грязная общественная лестница.

Естественно, меня они не нашли. Один служака сунулся в бассейн, увидел созданную компьютером голограмму и даже не заметил открытого окна. Вот если бы я включил голограмму в режим «открытого океана» или «олимпийского бассейна», в его голову закрались бы подозрения и сомнения. Сейчас же он видел обычный современный бассейн с якобы отключенными голограммами.

Инна с полковником тем временем прошествовали в гостиную.

– Чаю, полковник? – гостеприимно предложила девушка.

– Спасибо, – буркнул тот. – Обойдусь. Бравые ребята доложили, что в квартире никого нет.

– Вынужден привлечь к допросу ваш компьютер и системы слежения, – заявил полковник.

– Пожалуйста, – улыбнулась девушка. – Только пусть ваши ребята не слишком пьются на то, как я ложусь спать и купаюсь. Я понимаю, зрелище интересное, но мне не хотелось бы, чтобы диск с таким фильмом пошел по рукам...

– Служебная информация не подлежит распространению, – не принял шутки полковник. – Я это гарантирую.

Часа два специалисты в грязных свитерах, появившиеся почти сразу – видимо, поджидали результатов операции в машине? – работали с компьютером. Я, естественно, узнал об этом по изменившимся показателям времени на экране. Следить за манипуляциями программистов меня не заставили.

Пока хакеры на службе государства потрошили компьютеры, Инна спокойно смотрела телевизор. Режим компьютера вполне это позволял, а техники работали со своими модулями доступа и мониторами.

– Итак, Воронов был здесь, – констатировал полковник, бегло просмотрев отчет хакеров. – Вы пытались скрыть это. Стало быть, являетесь соучастницей. Мы можем арестовать вас!

– По какому обвинению? – Инна подняла брови. – Имейте в виду, что до того, как заняться медициной, я закончила юридический колледж. Не стоит меня запугивать. Я знаю свои права.

– Почему вы лгали нам, что Воронова у вас нет? Это лжесвидетельство.

– Я была напугана. Он – человек из дикого и необузданного прошлого. Если бы я его выдала, он мог бы отомстить мне. Вы ведь знаете, какие нравы царили в прошлом?

Инна обезоруживающе улыбнулась, а полковник Мизерный скрипнул зубами:

– По записям камер слежения не скажешь, что вы сильно напуганы или боитесь его. Или что он угрожает вам. Вы мирно беседуете, обедаете...

– Мне, наверное, надо было безостановочно кричать?

– Нет, конечно. Но позвать на помощь вы могли.

– Я боялась.

– У вас не было повода. Инна вновь рассмеялась:

– Ну откуда вам знать? Вы знаете, как он на меня смотрел? Буквально ел глазами. И в душе я была страшно напугана. Но не подавала вида. Только так можно спастись от маньяка.

– Вы считаете его маньяком? Он домогался вас? Вы готовы подать заявление в полицию?

– Настолько далеко дело не зашло. Он только припугнул меня. И я склонна его простить.

– Похоже, вас не проведешь, гражданка, – кисло заметил полковник. – На любой вопрос у вас находится готовый ответ. Как будто бы вы все спланировали заранее. И вас действительно не в чем обвинить. Пока. Но мне хотелось бы знать – куда он делся? Как он узнал, что мы идем по следу? Как ему удалось спастись? Скажите, и я не буду оставлять засаду у вас в квартире. И вообще оставлю вас в покое.

– Гражданин Воронов понимал, что его рано или поздно вычислят, – вздохнула Инна. – Впрочем, я сама сказала ему, что к нам идут, когда мне сообщила об этом охранный система. И не могла не сказать – он бы убил меня.

– Каким образом, хотел бы я знать? – осведомился Мизерный. – Из нашего бункера, куда мы бы его сразу засунули?

– Один раз он уже выбрался от вас, – заметила девушка.

– От вас, – уточнил полковник. – Из вашего института. И многим из вашего руководства теперь не поздоровится. Так же, как и вам, гражданка. Мы подробнее рассмотрим отчет и сделаем выводы. Возможно, вам все-таки будет предъявлено обвинение.

– Не забудьте проконтролировать, чтобы ваши сотрудники не переписывали мои фотографии неглиже, – напомнила Инна.

* * *

После просмотра фильмов мне сразу захотелось позвонить Инне еще раз и поблагодарить ее, выразить свое восхищение тем, как она держалась. Но это было все равно что приглашать полковника Мизерного в свое новое жилье. Подожду немного.

Вместо этого я набил на клавиатуре блока управления компьютером послание доброжелателю, оставившему мне деньги и идентификатор. Дал ему адрес своего почтового ящика. Приказал компьютеру делать все отправления только через этот ящик. И погрузился в исследование так называемой ГигаТЭЦ на Печоре.

Большинство сведений об электростанции оказались засекреченными, но материалов все равно было столько, что просмотреть их за одну ночь не представлялось возможным.

Принесли пиццу, сгрузили в приемный блок квартиры, просигналив специальным колокольчиком. У Инны на ящике колокольчика не было. Или, скорее всего, она его отключила.

Я заказал еще одну пиццу, сырую, чтобы приготовить ее в имевшейся на кухне микроволновке, когда будет нужно, и банку хорошего кофе. А также сахара и шоколада. И пачку чая с бергамотом. Работать – так с комфортом!

После этого я погрузился в чтение статей, просмотр передач, выдержек из информационных блоков новостей и рекламных роликов о крупнейшей термоядерной станции.

Строительство Печорской ГигаТЭЦ началось около двадцати лет назад и продолжалось пять лет. Основным элементом станции являлись коллайдеры, {Буквально – «сталкиватели». Коллайдер – устройство, в котором сталкиваются встречные пучки каких-либо частиц, разогнанных в магнитном поле), разгонявшие протоны до релятивистских скоростей. Скорости были тщательно выверены, и на выходе протоны превращались в альфа-частицы, ядра гелия. Они не просто сталкивались – провоцировалась реакция на кварковом уровне. И кварковый генератор, являвшийся сердцем ГигаТЭЦ, выделял огромную энергию.

В центре ГигаТЭЦ словно бы постоянно пылал огромный ядерный костер. Часть энергии снималась с помощью генераторов на турбинах, часть непосредственно преобразовывалась в электрическую за счет деионизации ядер гелия.

Стоит ли говорить, что функционирование станции было довольно-таки опасным? Рассинхронизация механизмов коллайдеров могла привести к спонтанному неконтролируемому выделению энергии и взрыву. Взрыву, сопоставимому с взрывом водородной бомбы средней мощности. Спонтанное усиление реакции, разрушение котлов было еще более опасным.

Да и останавливать ГигаТЭЦ лишний раз не стоило. Процесс выработки энергии являлся непрерывным, протоны в коллайдерах разгонялись за счет энергии, которую вырабатывала сама станция. Каждая остановка и последующее отлаживание кваркового процесса требовали огромных затрат, и на профилактику блоки станции останавливались редко.

Власти и строители утверждали, что рассинхронизация коллайдеров невозможна в принципе. Что существует двадцать защитных систем, отключающих теватроны при малейшей опасности. Что котлы сработаны из лучших композитных материалов и рассчитаны по меньшей мере на сто лет непрерывной работы. Что кварковые генераторы совсем не опасны. Но общественность волновалась. И не совсем безосновательно.

Обратившись к сайтам экологических организаций, я выяснил, что станция давала небольшой, но устойчивый радиационный фон. Синтез – не распад. Некоторые элементарные частицы высоких энергий, выделяющиеся при кварковой реакции, даже теоретически нельзя было остановить. Некоторые диффундировали через якобы непроницаемые стенки котлов. Вылетали наружу согласно законам квантовых вероятностей. Защита стояла, но она не всегда действовала эффективно.

К тому же станция тривиально нагревала все вокруг. Коэффициент полезного действия электрогенераторов не достигал ста процентов. Энергия, не переработанная в электрическую, естественно, выделялась как тепловая. Котлы охлаждались водой из Печоры, и на выходе из станции она чуть ли не кипела. А приличную температуру сохраняла на протяжении многих километров по течению реки.

Но главный аргумент противников ГигаТЭЦ был не экологический, а экономический. Уже на сайте антиглобалистов я выяснил, что большая часть акций Печорской ГигаТЭЦ принадлежала иностранным компаниям, промышленным монстрам. Управление осуществлял некий консорциум «Sun Ladder», большинство акционеров которого проживало в Америке. И работала ГигаТЭЦ прежде всего на нужды жителей американского континента.

Суперпроектом века стало даже не строительство самой электростанции, а прокладка высоковольтной линии электропередач – ЛЭП – через полюс и Северный Ледовитый океан, через снежные просторы Арктики и Канады. Часть опор плавала в океане, часть вообще держалась в воздухе – на сверхпроводящих катушках в магнитном поле.

Менее десяти процентов энергии станции шло на нужды России, примерно столько же продавалось в Европу по коммерческому тарифу. А энергия ГигаТЭЦ почти ничего не стоила. Ведь затрат требовали лишь содержание сравнительно немногочисленного персонала да профилактические работы.

В остальном станция работала по принципу «вечного двигателя». За счет своей энергии расщепляла воду, из которой извлекались протоны. За счет собственных энергетических ресурсов поддерживала в рабочем состоянии коллайдеры, инициировала процессы кваркового распада и слияния.

Да, требовалось возместить инвесторам большие вложения при строительстве ГигаТЭЦ. Но эти вложения окупились за пять лет. И теперь почти вся прибыль уходила в руки иностранцев.

Угрозу станция представляла прежде всего для России. Отравляла воздух и почву. Подогревала вечную мерзлоту и изменяла климат. Провоцировала штормы, шквальные ветры и туманы, оледенения и гололеды в радиусе тысячи километров вокруг, на большой протяженности берега Северного Ледовитого океана.

Многие радикальные группировки требовали национализации станции. Либо же ее безоговорочного закрытия. У ворот ГигаТЭЦ постоянно тусовались какие-нибудь пикетчики, требовавшие чего-то своего.

Одни хотели выплаты постоянных стипендий и компенсаций жителям северных областей, расположенных неподалеку от станции. Другие – поставок всей вырабатываемой энергии в Россию, что должно было привести к экономическому скачку. Или в Европу, что позволило бы россиянам ничего не делать, получать дивиденды и плевать в потолок. Третьи требовали увеличения квот выделения энергии либо запуска новых энергоблоков и создания вокруг станции энергоемких производств.

Между собой они договориться никогда не могли. Более того, случались даже стычки и драки. А правительство манипулировало настроениями радикально настроенной части общества, чтобы в очередной раз поднять тариф на электроэнергию. Или добиться от владельцев ГигаТЭЦ увеличения квот поставки энергии на какие-то доли процента. Либо понизить тариф потребляемой энергии для нужд государства.

Сырье не было сейчас в цене – хорошие материалы, продукты питания благодаря достижениям науки можно было получить практически из земли, из грязи под ногами. Но для этого требовалась энергия. Очень много энергии.

В определенный момент наше правительство даже попыталось отменить рубли и ввести вместо них новую денежную единицу – киловатт-час. Предполагалось, что новая единица будет гораздо тверже, вытеснит с рынка более твердую, чем рубль, иностранную валюту и даст возможность экономике развиваться успешнее. Но эксперимент не вполне удался. Разные киловатт-часы стоили по-разному. Ночной киловатт-час – практически в половину дешевле дневного. А вечерний – на десять процентов дороже дневного и на пять процентов ниже утреннего. Зимой энергии требовалось больше, летом – меньше. Поэтому при фьючерсных сделках нужно было учитывать и это.

Помучившись полгода, эксперимент отменили. Даже само слово «киловатт-час» попало на некоторое время в немилость как неблагонадежное. Хотя эксперты полагали, что стоило лишь ввести параллельно киловатт-часовым расчетам рублевые, обстановка стабилизировалась бы. Но мощное лобби западных держав, желающих по-прежнему кредитоваться за счет России, продавая ее гражданам свою валюту, подкупило нескольких высоких чиновников. И

«эры» – электрические рубли, равные тысяче киловатт-часов, переименовали в обычные рубли и отпустили в свободное плавание – без привязки к стоимости энергии. Что конечно же негативно сказалось на их устойчивости.

Рубли обесценивались, но время от времени правительство проводило деноминации, дабы поднять рубль на заоблачные высоты. Последняя деноминация прошла как раз год назад. И рубль, курсовая стоимость которого была задрана «впрок», сейчас стоил дороже почти всех мировых валют.

Взглянув на часы, я обнаружил, что время давно перевалило за полночь. Собственно, близилось утро. Мне не нужно было вставать на работу, но режим дня все же лучше соблюдать. Я выключил компьютер и отправился спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.